
ПИОНЕР
двухнедельный
детский журнал
В. СУТЕЕВ.
№ 20
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

В. Кардашов

Оборудование клубной комнаты[1]

Когда окончен внутренний ремонт и отделка клубной комнаты, тогда можно приступить к ее оборудованию шкафами, столами и табуретками.

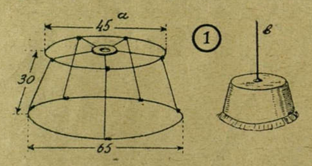
Но прежде всего вы не забудьте повесить на видном месте доску для об'явлений.

Хорошо предусмотреть место для доски еще во время отделки стен комнаты. В этом случае доска обрамляется планками (плинтусами) в 75 мм шириной, имеющими профиль или прямоугольный (при толщине дерева не свыше 15 мм), или скошенный внутрь, или закругленный, если дерево имеет большую толщину. Планки эти набиваются на фанерную доску размером в 63×73 см, прибитую к стене толстыми гвоздями в 3/4 дюйма длины. Самую планку прибивают шпильками, т.-е. тонкими гвоздями, у которых головка обкусана кусачками или отрублена.

Доска должна быть помещена на видном месте и может быть украшена резьбой.

Комната должна быть хорошо освещена. Это не значит, что где-то под потолком вы должны повесить лампу во много сот свечей. Лампа должна быть спущена на шнуре над рабочим столом и давать свет, отраженный абажуром вниз. У книжных шкафов и над другими столами желательны отдельные подвесы с 16-ти свечевыми лампами.

Абажур делайте сами, диаметром не менее 65 см по нижнему краю и 45 см по верхнему, из легкой печной проволоки. Скрепите телеграфной пайкой два круга нужного диаметра, от верхнего протяните пять проволок по 30 см длиной, сделав пять оборотов одним концом на круге и другим пропустив в дырочку, сделанную в жестяном кружочке с дырой в 8 мм в середине. Сквозь эту дыру вы пропустите никель патрона лампы.

Пять кусков проволоки (или 7) длиной в 25 см соединят верхний круг с нижним (рис. 1).

Сделанный каркас абажура обтяните сверху голубым или зеленым ситцем с мелким рисунком, а снизу белым каленкором. Выкройте из материи круги и пять (или семь) полосок по кругу (как части поверхности усеченного конуса) так, чтобы швы пришлись на проволочках, и стачайте на машине отдельно сначала бочка, а затем притачайте полученное кольцо к верхнему кругу. Нижний край заделывается на руках, а подкладка из каленкора пришивается к верху, охватывая нитью проволоки бочков и верхнего круга.

Точно так же вы сделаете абажуры в 26 см диаметром для подвесов над столами для занятий.

Перед книжными шкафами лампы должны быть спущены на 90 см от потолка и снабжены плоским абажуром. В комнате низкой сделайте подвес короче, так, чтобы абажур был на уровне верхнего края книжного шкава.

Место потолочного подвеса—на 80 см впереди шкафа.

Прежде чем делать мебель нужно составить проект внутреннего оборудования: сделать план и перспективный вид по данным—площадь пола и план комнаты, число читателей, число мест для занятий, площадки полок для размещения коллекций и работ и размера книжных шкафов.

Когда вы обсудите сделанные проекты и внесете в них поправки, тогда сделайте техническую смету на постройку потребной мебели и подсчитайте стоимость материалов и работы.

При отсутствии возможности произвести расход сразу, установите очередь производства работ в соответствии с планом поступления средств.

Стол для чтения можно сделать своими средствами достаточно красиво и очень прочно на гвоздях, из соснового дерева. Его ширина 100 см, а длина 175 см. Крышка его сделана из неоструганных дюймовых или даже 3/4 дюймовых досок, сбитых на планках, с разгонкой в 1 см между досками, гвоздями и обитой сверху фанерой в 4—5 мм толщины. Борта обложены штабиком в 2,5 см ширины и 1,5 см толщины.

Крышка стола покоится на подставке (рис. 2), сбитом на гвоздях из планок шириной в 7 см, нарезанных из дюймовой доски. Доска должна быть предварительно выстругана с обеих сторон; планки тоже. Делают три подставки (а) и соединяют их: продольными планками сверху и под верхом, угольниками со стороной в 15 см и двумя планками внизу. В средней подставке нижнюю связь делают выше на ширину планки.

Крышку стола пропитывают олифой, а ножки травят в ореховый цвет и тоже кроют олифой.

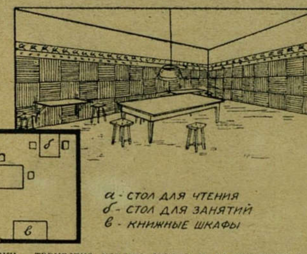
Столы для занятий сделайте на двух подпорках: к стене прибивают брусок сечением 5×5 см (вершок с четвертью), на него опирают и к нему прибивают край крышки стола; другая сторона крышки опирается на подпорки, укрепленные в стену; для этого к стене четырьмя гвоздями прибивают два гнезда, в которые подпорки и входят. Для крышек этих столов можно подыскать крышки фанерных ящиков и укрепить снизу, набив более толстые планки и обложив бортиком (рис. 3).

Остается сказать два слова о табуретках. Скамьи для читальни неудобны. Материалом для табуреток может служить ящичное дерево, сколоченное гвоздями накрест из двух слоев досок, размером 35×35 сантиметров. Для ножек следует брать дерево не тоньше 1 3/4 дюйма. Ножки укреплять в сиденьи, просверлив четыре наклонных дыры по его углам и соединив внизу ножки между собой тем же способом: в каждой ножке просверлив по дыре на такой высоте, чтобы соединенные бруски, идущие от противоположных ножек, лежали бы один на другом и могли бы быть скреплены в месте пересечения толстым шурупом (рис. 4). Диаметр дыр в сидении в 1 дюйм, в ножках—3/4 дюйма. Сиденья чистят шкуркой и пропитывают олифой, как и ножки, после протравы морилкой (байцой для дерева орехового цвета). Если в распоряжении работающих имеются, кроме финского ножа, буравов или цинтуров и коловорота в 1 дюйм и 3/4 дюйма, другие инструменты, то можно сделать табуретки еще в виде коротких скамей (рис. 5).

Из дюймовой, обструганной с обеих сторон доски или из ящичного дерева (например, ящика от швейных машин) отрезают по угольнику, по четыре куска для каждой табуретки: 2 по 47 см, 1—в 38 см и 1—в 30 см.

В доске 38 см длиной, отступя от каждого конца 4 см, делают ряд гнезд, по толщине досок в 47 см, как показано на рис. 5, а в самих досках вырезывают соответствующие им шипы. Размер гнезд берут такой, чтобы шипы вышли продолговатые: при толщине доски в 1 дюйм—размер должен быть, напр., 1×5/8 дюйма. Сначала зарезают шипы, затем по ним обчерчивают гнезда.

В боковых досках (в 47 см) на 10 см от низа делают ряд гнезд, а в доске в 30 см ряд шипов и связывают боковинки. Работу легче правильно выполнить, если с этого начать. Для того, чтобы табуретка хорошо стояла и на неровном полу, в нижнем конце вырубливают 1 см, как показано на чертеже.

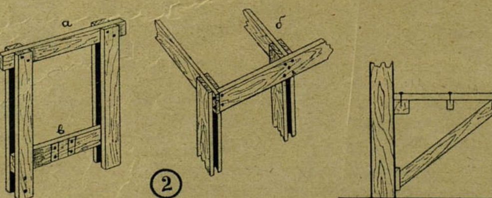
Эту конструкцию можно выполнить и на гвоздях. Гвозди должны иметь длину втрое длиннее толщины взятых для постройки досок, чтобы соединение было прочное.

Шкафы для книг, изящные и строгие, по рисунку, делают, по типу американских библиотечных шкафов, из упаковочных ящиков.

Лучший материал для книжных шкафов—упаковочные ящики Госшвеймашины. Сняв крышки и удалив распорки, между которыми были укреплены машины, ящики распиливают пополам. Получается один ящик со дном и другой открытый. Последний забивают крышкой. Когда вы поставите два таких ящика один на другой, вы получаете высоту в 84 см. Следовательно, два ящика, распиленные пополам, дадут шкаф высотой в 168 см, шириной 91 см и глубиной в 17 см.

Под нижний ящик подбивают ножки из вынутых из ящиков распорок, сбивают или свинчивают в четырех местах ящик к ящику и приступают к наружной отделке: покрывают плоским штабиком, сечением в 4,5×1,5 см, места соединения ящиков и двумя такими же штабиками — в 168 см длиной — боковые стороны.

(Окончание на 3-й стр. обложки)

[1] «Пионер» 19.

Главлит № 71641 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 23.000

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. . . . 3 р. — к.
" 6 " . . . 1 . 60 "
" 3 " . . . . . 85 "
" 1 " . . . . . 30 "

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ
Москва, Новая площадь, 6/8, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 20 ОКТЯБРЬ 1926 г.

Клубный стенгаз

Н. Булатов

ОРГАНИЗУЙТЕ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ!

С холода вечером приятно войти в теплое, чистое помещение пионерского клуба. При входе дежурный пионер заставляет снять пальто. Раздеваться всем необходимо. Разве возможно работать или играть в шапке и ватном пальто?

Из об'явлений можно было заключить, что клуб обслуживает три отряда пионеров, из них один заводский. В клубе имеются мастерские: переплетная, столярная, швейная, имеется читальня, два технических кружка — „юные электротехники" и „авиаторы".

Кроме пионеров, клуб обслуживал и неорганизованных ребят. Например, устраивались вечера с световыми картинами и демонстрацией опытов электротехнического кружка для ребят, собранных прямо с улицы, учащихся, неучащихся и беспризорных. Устраивались экскурсии, беседы совместно со школьниками и пионерами из других отрядов.

Поднимаясь по лестнице слышны были веселые голоса, смех и шум бегающих ног. Вхожу в большую просторную комнату. Ребята играют в подвижные игры. Мелькают красные галстуки, оживленные раскрасневшиеся лица. Игра в самом разгаре.

Рядом, за дверью, рабочая комната. Несколько самодельных верстаков из досок, двое тисков, скамьи, ящики, полки, — вот и все оборудование мастерской. Тиски, как оказалось, были получены с соседнего завода, старые. Их пришлось подправить, чтоб пустить в дело. С завода же ребята получили часть инструментов и разный бросовый материал для работы. Некоторые инструменты ребята приносили с собой из дому.

За рабочей комнатой — читальня. За большим столом сидит группа ребят за книгами и журналами. На краю стола примостились двое игроков в шашки. Недалеко от них, в уголке за столом, сидит девочка, пишет в тетради. На столе раскрытый учебник. Повидимому, она занята школьной работой. Вот, думаю, хорошо придумано: дома верно шумно, тесно и приткнуться негде, а здесь все за книгой и никто не мешает. К тому же и посоветоваться можно с товарищами, помогут, об'яснят.

Игра в самом разгаре

Весь клуб и состоял из этих трех комнат. Помещение небольшое, а работу клуб делал большую, обслуживая не одну сотню ребят.

В клубе же проводились звеньевые и отрядные сборы, вечера и праздники.

Вся обстановка клуба была привлекательна. Видно было, что много положено труда и изобретательности, чтобы украсить и приспособить помещение для работы. Стены выкрашены клеевой краской, украшены рисунками по трафарету, на стенах плакаты, лозунги, фотографии, портреты. Удачно были приспособлены для сиденья и шкафов фанерные и досчатые ящики, выкрашенные в коричневый цвет морилкой. На первый взгляд не отличишь от настоящей мебели. Все просто, недорого и в то же время приглядно.

И правильно — клуб должен быть привлекательнее дома и школы, чтоб ребята чувствовали его своим, чтоб с радостью шли в него работать, могли в нем отдохнуть, поиграть. Особенно клуб нужен зимою. Около клуба хорошо устроить зимнюю площадку с ледяной горой и катком. В клубе должны быть несколько пар общественных коньков и салазок. На площадке, на свежем морозном воздухе можно будет проводить разные зимние игры.

Клуб должен быть своего рода центром общественной работы, организуя вокруг себя окружающих ребят. Клуб не должен замыкаться в своих стенах, а должен втягивать и другие пионерские отряды и ребят не-пионеров.

Клуб зимою также необходим, как площадка и лагерь летом. Будем устраивать клуб хотя бы и в одной комнате и самыми небольшими средствами. И в этих условиях можно добиться значительных успехов.

В мастерской

Петька Штык

Сергей Григорьев

Рис. худ. К. Кузнецова

БЕРКО КАНТОНИСТ

ПОВЕСТЬ

(*Продолжение*)

4. НАРЯД ЗА РОЗГАМИ

— Вот наша школа,—указал Мендель, когда этап втянулся в город.

Рекрутов ввели на широкий двор. Конвоир поставил их посреди двора, велел сложить им с плеч котомки к ногам и встать в шеренгу, а сам ушел в канцелярию со своей кожаной сумкой. Там он пробыл очень долго. Из раскрытых окон казармы слышался гомон молодых голосов, иногда быстро, украдкой, из окна высовывалась стриженая голова и, крикнув:

— «Слабых» привели,—исчезала.

— Почему же он знает, что мы «слабые»?—подумал Берко, едва держась на ногах,—в них была вся усталость от сделанных полутора тысяч верст.

Солнце начинало припекать.

— Я сяду,—сказал один из «слабых», изнемогая от солнечного зноя,—мне хочется пить.

— Что ты говоришь «сяду»,—возразил Берко,—если он сказал «стой», то и надо стоять, пока не прикажут «сядь». Вот он уже идет...

Конвойный возвратился с фельдфебелем. Они подошли к «слабым» и, осмотрев их, фельдфебель покачал головой:

— Истинно, что слабые. Сколько? Давай список.

Он принял список, сделал «слабым» перекличку и, спрятав список за обшлаг, сказал:

— Марш за мной...

Рекруты подхватили котомки и, не успев проститься с конвойным, гурьбой пустились вслед фельдфебелю, едва за ним поспевая.

Из сеней казармы пахнуло кислой прелью и прохладой. Каменные своды гулко отдавали каждый шаг. Фельдфебель прошел в дверь с вывеской: «Четвертая рота». Оттуда несся гул голосов, сразу утихших, когда вошел фельдфебель.

— Здорово, четвертая рота!

Дружный ответ прокатился громом под круглым сводом долгого зала... Берко увидал около нар множество одетых в серое солдатиков; все они стояли на вытяжку и смотрели на фельдфебеля, чуть откинув головы назад. Фельдфебель двинулся вдоль нар, и, куда он шел, вслед за ним медленно поворачивались головы и взоры. От этого медленного движения у Берко все поплыло и закружилось в глазах.

— Петр Курочкин!

— Я.

— Иди сюда,—позвал фельдфебель: вот тебе новый племяш. Да куда же он пропал,—повернулся за спину фельдфебель.— Эге, да он с копыльев сбился.

Берко Клингер

Берко лежал на полу около нар в обмороке. Кантонисты оставались в стойке. Никто не шевельнулся. Подозванный фельдфебелем Петр Курочкин склонился к назначенному ему в племяши Берку и, ткнув его легонько в бок рукой, позвал:

— Ну, племяш, будет ломаться, вставай. Да он обмер, господин фельдфебель...

— Положить на нары. Ну-ка, двое сюда, — распорядился фельдфебель. — Взбрызните его...

— Эй, барабанщик!—крикнул кто-то.

— Да не барабанщик,—дурак, пока еще не за что его. Водой взбрызните.

Курочкин прибежал с ковшом воды и полил голову Берка холодной водой. Берко очнулся и привстал. В роте уже не было фельдфебеля... Кантонисты толпились, весело перекликаясь, и толкались в двери—они куда-то спешили.

— Воды хочешь?—спросил Курочкин, поднося к губам Берка ковш, —эх, ты, дрянь, канителься тут с тобой, а наши сейчас за розгами пойдут...

— За розгами?

— Ну, да, чего таращишься, нашей роте сегодня наряд за розгами итти. Некстати ты мне сейчас пришелся... А може ты околемался—так сдюжишь итти. Може ты голодный, на вот хлебушка, пожуй. Эх, уходят, чтобы ты пропал совсем, жидовская морда.

Со двора слышалась команда и громкие ответы роты.

— Вы очень хотели итти за розгами?— спросил Берко.

— Зови меня Петькой. Я—Петька Штык. Понял? Я тебе в дядьки поставлен, пока ты в слабых будешь. Понял или нет?

— Понял, господин дядька. Точно так.

— Дурак! Я тебе не господин дядька, а Петька Штык. Ну?

— Точно так, Петька.

— Ну, бери хлеба,—у меня от утрего осталось. Може оправишься—и пойдем. Случай-то какой пропадает. Ну, уж скомандовали. Эх!

— Рота. Вольный шаг на месте. Марш!—послышалась со двора команда. Ать! Ать! Левой! Левой!..

Команде ответил согласный, звучный топот ног.

Берко взял из рук дядьки хлеб и стал поспешно жевать, запивая водой.

— Знаешь, дядька,—я еще не скоро стану сильный,—грустно сказал Берко.

— Эх, голова, тебя «слабым» назвали, так ты и рад. Слабыми всех новых зовут, потому что они в службе слабы. Иной приде бык-быком, а все в слабых проходит недель семь. А другой—вот из ваших, хилый,—в три недели а его уж в слабых нет давно...

— Тогда я скоро буду сильным. Если хочешь, Штык, я пойду и за розгами сейчас. Ты хочешь?

— Чудак. Как же не хотеть-то. Айда, скорей! За розгами-то, ведь, у нас это вроде праздника. А ты, никак слюни распустил? Котомку покинь тут,—никто не возьмет. В нашей роте воровства нет.

Дядька, а за ним его новый племяш пустились догонять роту, которая уже вышла со двора.

— Приставай ко мне, да смотри в ногу попадай,—крикнул на бегу Штык.

Он догнал последнее неполное отделение роты и примазался к нему, сразу попав в ногу; Берко пристал к нему и пошел справа его, последним на левом фланге.

Роту вел высокий офицер, в белом кителе. Он был без оружия, шел чуть-чуть вразвалку, видимо красуясь. Там и тут в окне женская рука отодвигала занавеску, и бойкие глаза сверкали вслед роте, когда она шла улицей.

— Песенники, вперед! Шаг реже!— скомандовал офицер, и сам запел прекрасным звучным голосом заунывную песню:

> Калинушка с малинушкой,
> Что так рано зацвела.
> Да не в пору-времечко
> Мати сына родила.
>
> Что не в пору-времечко
> Она сына родила,
> Да не собравшись с разумом,
> Во солдаты отдала.

Улица вывела роту в чистое поле, потом под гору на поемные скошенные луга, среди которых в курчавой поросли вилась голубая речушка...—Рота, стой!— скомандовал офицер. Кантонисты остановились. Офицер вызвал вперед капралов и спросил их:

— Какого порядка хотите, ребята?

— Как водится, ваше благородие,— один за всех ответил Петька Штык,— во-первых, купаться, во-вторых, прутья резать, в-третьих, с песнями вязать в пучки, а там мимо садов домой.

— Согласен, детки, только не холодна ль вода?

— А я живо разденусь, попытаю.

— Хорошо. Попробуй.

Штык живо скинул с себя верхнее и исподнее платье, сложил по форме и бултых—кинулся с яра в воду...

— Ух! И хороша вода, ваше благородие,—закричал он, вынырнув и отфыркиваясь,—ровно парное молоко. Велите ребятам раздеваться...

— Раздевайся!—скомандовал офицер...

Кантонисты рассыпались вдоль берега; не прошло и четверти минуты—гладкие воды реки взволновались. Мальчишки бултыхались в реку с разбега...

— Ты что же стоишь, не скидываешься?—спросил Берку офицер.—Кто ты таков,—я что-то тебя не признаю...

— Мы «слабые», ваше благородие. Мы только сегодня пришли с этапом...

— Ну, так вот и обмой дорожную грязь.

— Ваше благородие, это мне не можно. Я никогда еще в жизни не купался в реке.

— Чудно! Кто у тебя дядька?

— Петька Штык, ваше благородие.

— Эй, Штык, что же ты племяша одного покинул?

Штык выскочил из воды. Тело его было красно от холода.

— Что же ты, Берко, меня срамишь? Скидывайся...

— Мне это не можно, дядюшка.

— Скидывайся, а то в чем есть в воду скинем.

— Киньте его, в самом деле,—сказал, нахмурясь, офицер.

Берко поспешно начал раздеваться...

— Эх, и худой же ты. И грязи на тебе! Ну, лезь в воду. Чего встал! Не крестить тебя хотят.

Берко испуганно остановился на заплесе, не решаясь войти в воду.

— Ребята, кидай его в самый омут! Берись...

Со смехом несколько кантонистов набросились на Берко, подхватили и швырнули в самую глубь речонки.

Берко закричал, захлебнулся, вынырнул, хотел крикнуть еще и опять погрузился, пуская пузыри. Чья-то сильная рука выдернула его на мелкое место. Берко встал, упал, вскочил опять и, разбрызгивая воду под крик и свист кантонистов, выбежал на берег. Он дрожал и не попадал зуб на зуб; в ушах урчит вода; его тошнило.

— Эге! Да ты совсем посинел—стой, не падай!..

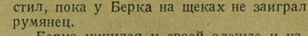
Офицер подхватил Берку за руку и закричал:

— Ну, беги, а то сердце зайдется...

Он закрутил Берку, держа его одной рукой, вокруг себя, а Берко поневоле побежал в припрыжку. А в другой руке офицер держал сломанную хворостинку и ею стегал Берку по голому телу.

— Ну-ка! Ну-ка, грейся. Попробуем-ка новую лозу. Ай, и славная выросла лоза в этом году!..

— Я уже согрелся, ваше благородие. Мне горячо,—кричал Берко, вырывая руку, но офицер его держал за руку у запястья, словно клещами, и не отпустил, пока у Берка на щеках не заиграл румянец.

Берко кинулся к своей одежде и начал одеваться. Рядом с ним, стуча зубами, одевался его дядька Штык.

— Ну и вода—прямо лед. Так и ошпарила. Что, Берко, попробовал каши? Ну, я скажу, тебе повезло: у него рука легкая. Уж так замечено—кого впервой Антон Антоныч отстегает, того под крышку не застукают...

— Про какую крышку ты говоришь?

— Про гробовую—ясно. А ты думал про что? Погоди еще.

5. ВЫИГРАННЫЙ ПРИЗ

После купанья кантонисты принялись резать розги. По странной памяти розги именовались в школе «березовой кашей»; на самом деле применялись молодые побеги талов.

Испытываются розги так. Петька Штык подал офицеру на пробу несколько срезанных им прутьев, мерою точно в один с четвертью аршина. Антон Антоныч смерил прутья пядью, потом согнул в кольцо: ни один прут не сломался.

— Поспела лоза. Можно резать, Антон Антоныч?

— Валяйте!

По команде рота кинулась с ножами в атаку на густую и частую поросль лозняка.

— На спор. Кто больше? Ну-ка, ребята! Первому, кто представит тысячу, жалую гривну денег,—крикнул Антон Антонович.

Обещание награды придало кантонистам прыти. Это было похоже на жатву,—вроде колосьев под серпом, падали молодые побеги лозы; они были в гладкой коре,—то изумрудно-зеленой, то баканно-красной с сизым налетом.

— Нож у тебя есть?—спросил Берка его дядька.

— Нет, ножа, Штык.

— Эх, недотепа. Первое дело завтра купи себе складной ножик. Гляди что-ли, что я делаю: надо срезать, а потом еще листья снять,—вот так.

Штык взял прут за вершинку и, охватив рукой, провел к комлю—листья все облетели; это была легкая работа.

— Так давай, — сказал Берко, — ты режь, а я буду чистить,—у нас пойдет скорее.

— Верно. Ну, валяй!

Срезанные прутья клали на землю пучками. Штык работал не разгибаясь и считал:

— Пятьсот восемьдесят семь... восемьдесят восемь...

Наконец:

— Тысяча.

— Хватит, — сказал Берко, — кричи ему, ты уже заработал гривну...

— Ну-да. А ты-то? На тебя еще надо тысячу. Вторую кучу клади. Ну, ворочайся... Эх, обойдут, обгонят нас... Куда прешь под ноги!—заорал Штык на кантониста, который, врезаясь в гущу прутьев, приблизился к нему.

— Что тебе места мало.

— Держи левей, а то недолго и на нож наскочишь,—крикнул Штык, продолжая работать и считать:

— Девятьсот девяносто восемь, девяносто девять.

— Тысяча,—крикнул Берко,—прибавь на просчет пару десятков...

Ты что же стоишь, не скидываешься?

Штык схватил в охапку прутья, бегом взбежал на пригорок, где лежал, покуривая трубку, Антон Антонович. Берко едва мог поднять вторую кучу и поволок ее с трудом туда же.

— Ура! Наша взяла! — крикнул Штык,—Антон Антоныч, считай, да выкладывай алтын [1].

Вслед за ними стали подбегать с пучками розог и другие кантонисты. Зашел спор:

— Это, чур, не игры!—спорили соперники Штыка.—Мы видели, как они резали, у «слабого»-то и ножа не было, он только листья очищал.

Антон Антонович посмотрел на Штыка и на Берку и вынес такое заключение:

— А вы что смотрели,—если они одним ножом две тысячи изготовили, так это же вдвое. Получай, Штык, алтын...

— Ваше благородие,—остановил офицера Берко —это неправильно так.

— Почему?

— Вы же сказали, кто первый нарежет прутьев, тому алтын.

— Да.

— Так мы оба первые—Штык и я.

— Так что же?

— Если он первый и я первый, то ему алтын и мне...

— Получай! Раз, два, три.—Антон Антонович больно щелкнул Берку по носу три раза.

Соперники Штыка захохотали и примирились с таким решением.

После завтрака сели по отдельным кружкам вязать розги в пучки. В каждом кружке пели свою песню.

— Антон Антонович, разрешите спеть любимую?—попросил Штык.

— Своего сочинения?

— Да.

— Ну, что выдумал. При моем присутствии таких песен нельзя петь. Пойте простые.

— Дозвольте свою. Уж очень на сердце печально. Ведь кустикам же надо тоже почувствовать, на что мы их сгубили...

— Ну, пойте. Только без пропусков...

— Опасно без пропусков. Разрешите с пропусками.

— Пойте все: и про царя.

— Про царя-то что. Про царя мы споем. А, ведь, если без пропусков, то и про вас, ваше благородие, придется петь...

— Если петь, то уж пойте все.

— Хорошо. Споем, братцы. Только Антон Антонович, чур,—потом не сердиться.

— Не буду...

Штык поник, вздохнул и запел тихо и грустно:

Как на быстрой речке при долиночке
Выросла буйная талиночка,
Высоко зеленая качалася,
Середь трав душистых красовалася:
—Мне семнадцать лет,
Мил мне вольный свет.

Пришел к той зеленой ко талиночке
С вострым ножиком младой детиночка,
Крепче белая рука сжимается,
А сам горькими слезами заливается:
—Пришел мой конец,
Прощай мать, отец.

—Ты не режь талиночку, солдатик молодой,
Дай мне волю красоваться над водой,
Ты и сам, бедняжечка, молоденький,
Ты не плачь, молоденький, хорошенький:
—Не порти портрет,
Скажи мне ответ.

—Пожалел бы я тебя, талиночка,
Да я сам на свете сиротиночка:
Не с кем мне пред смертью попрощаться,
Перед смертным часом целоваться:
—Вот мой ответ:
Прощай, белый свет.

—У тебя, солдатик, есть надежа-государь,
Пожалеет тебя православный царь,
Командиры у тебя, что любезные отцы,
А товарищи твои все лихие молодцы:
—Ты с ними простись,
Не плачь, веселись.

—Пожалеет белый церь меня дубинкою,
Командиры жалуют «скотинкою»,
Батальонный зверь над нами издевается,
А Онуча, пес вонючий, насмехается:
—Исполняй приказ:
Дать двести раз.

Поникла головой зеленая талиночка:
—Ах ты бедный мой, хорошенький детиночка,
Никого-то у тебя, мальчишки, нет,
Опостылел мне, талинке, белый свет:
—Не жалей,
Режь скорей.

Крепко и туго стягивали у ефрейтора Штыка под эту песню пучки. Под конец песни вздохнул и стал подпевать без слов и сам Антон Антонович, задумчиво поглядывая то на скошенные луга, то на осокоря, тронутые кое-где позолотой осени, то в небо, где кружили ястребы.

Работа кончилась. На луг приехала фура из школы, запряженная парой лошадок. Ее с верхом нагрузили заготовленной лозой. По одному пучку осталось на брата в руках; рота выстроилась, держа пучки, подобно ружьям, у ноги.

— Смирно! Ружья на плечо!—скомандовал Антон Антонович.

Отчетливо и ловко мальчишки вскинули пучки розог на плечо.

С песнями рота пошла к городу домой.

6. «АКУТА»

В шестом часу утра на дворе забили барабаны, и дневальный зычно крикнул:

— Четвертая, вставай!

По всей роте поднялся гомон и возня.

Подняв Берко, дядька приказал ему:

— Оденься и покажись!

Берко неумело натягивал сапоги и брюки. Одевшись кое-как, он показался дядьке.

— Ну, как ты застегнул куртку, неряха! Вот как надо. Вот как.

Штык оправлял на Берке куртку, жестоко его встряхивая.

— Выходи к завтраку,—закричали капралы.

Рота высыпала в коридор; ефрейтора остались в помещении, они пересмотрели все тюфяки, откинув обмоченные для просушки. Затем тюфяки и подушки были выровнены на нарах по нитке и накрыты по форме—с отвернутым краем—одеялами из серой сермяги. Тем временем в коридоре шел осмотр одежды. Фельдфебель осмотрел капралов с ног до головы. Сапоги капралов зеркально сияли, брюки были плотно подтянуты в пах, куртки застегнуты на все пуговки, лица, сполоснутые холодной водой, румяны; глазами капралы ели начальство; головы капралов были под короткой стрижкой,как точеные шары.

— Ладно,—сказал фельдфебель.

Потом капралы, захватив из пучка по пяточку розог, так же тщательно осмотрели ефрейторов,—те перед капралами тоже старались быть помолодцоватее, но кой у кого не достало пуговицы, крючка, или куртка разорвана под мышкою, а у одного синяк под глазом, тщательно припудренный мелом.

С неисправными был короткий разговор:

— Спускай штаны!

Все шло быстро, в порядке, деловито. Приведенные в порядок ефрейтора осмотрели дядек, в свою очередь вооружась лозами. Больше всего неисправных оказывалось у тех ефрейторов, которые сами только что получили внушение за неаккуратность. Наказанные дядьки принялись за своих племяшей, при чем обходились тычками, оплеухами, лещами, затрещинами, подзатыльниками, рывками, щипками, толчками, пинками и тому подобными ручными и ножными приемами, потому что наказывать розгами племяшей дядькам не полагалось.

По обычаю, племяши могли в это время, пока их дядьки обряжали, реветь; этим правом они пользовались весьма охотно, при чем ревели на разные голоса даже и те племяши, дядьки которых не были наказаны. Они кричали петухами, мяукали котами, ржали жеребцами, мычали телятами, мекали козами, блеяли овцами, лаяли псами, выли волками, визжали щенками, верещали скворцами, пищали мышами, куковали, ворковали, токовали... И, вдруг, под этим диким хором прогремел человеческий голос:

— Рота, смирно!

Шум погас.

— На молитву!

Оглушенный гамом, Берко хотел опять бежать. Зазвучало согласное пение. Напрасно Штык пытается удержать его, сжав руку,—Берко рвался и метался.

— Держи его за другую руку!—попросил Штык другого дядьку.

Берко вырывался и бился все время, пока пели молитву, и слышно было, что в третьем взводе идет какая-то возня. Фельдфебель стоял, как слитой, будто все забыв, но когда утихли последние вздохи хора, фельдфебель повернулся к роте и спросил:

— Третий взвод, в чем дело?

— Это - то «слабый»,—доложил капрал.

— Курочкин, в чем дело?

— Он, господин фельдфебель, опять хотел убечь из фронта...

— А ты ему раз'яснял?

— Так точно.

— Что ты раз'яснял ему?

— Так точно.

— Что ты раз'яснял ему?

---

[1] То же, что гривна: медная монета в три копейки.

— Что фронт—святое место. Что во фронте, если команда—«смирно»,—никакого шевеления, и даже дух запереть...

— Идите оба сюда.

Штык вывел Берку и поставил перед фронтом.

— Говорил тебе дядька про фронт—святое место?..

Берко взглянул на дядьку: Штык так стиснул зубы, что на скулах выступили желваки.

— Так точно, — ответил Берко, отводя глаза.

— Дайте ему для начала сто. Я из тебя выбью блох. Штык, покажи ему, как лечь...

— Не робей, привыкай,—потихоньку шептал Берку Штык, помогая раздеваться.—Штаны положи под себя. Куртку сверни под голову. Если кричать не хочешь, кусай пальцы...

«Плыла лебедь. Плыла лебедь с лебедятами. Плыла лебедь с лебедятами, со малыми, со малыми, со дитятами»,—пел тонкий и очень жалостный голос.

Звуки этой песни — было первое, что проникло в существо Берка, когда он вернулся к жизни. Песня была, как маятник часов, своим тиканьем говорящий, что время идет. Второе, что услышал Берко,—это мерные и четкие удары маятника больших часов. Берко открыл глаза и увидел, что на белой стене висят большие часы с двумя медными гирями и длинным маятником.

— Тик малыми, тик малыми, тик малыми, так дитятами. Тик малыми, так дитятами,—в такт с маятником пел голос. Голос был похож на птичий. Берко перевел глаза туда, откуда слышалось пение, и увидел большое окно, а перед окном, лицом к свету и спиной к Берке, стоял грузный, большой человек в белом парусиновом халате, коротко остриженная голова его была серебряно-седая, на розовой толстой шее, поперек ее—складочка.

Все было ново и непонятно. Берко попробовал вспомнить, где он, и хотел приложить руку ко лбу, — рука тяжелая и обмотана белой тряпкой, сквозь которую, видно, сочилась кровь. Берко застонал.

Песня смолкла. Только тикали часы. Берко смотрел на широкую спину человека у окна. Послышался зевок, человек повернулся,—у него были седые насупленные брови под строгими серыми глазами; седые усы с подусниками, а на розовом бритом подбородке—ямочка.

— Эге, — прогудел старик басом, тяжко шагая к Берке, — этот очухался. Сотрем «акуту».

Старик плюнул в ладонь и поднял куда-то вверх руку. Следуя за ним взором, Берко увидел над головой своей черную дощечку, на которой было мелом написано два слова. Старик стер нижнее слово.

— Теперь дело пойдет на поправку,— сказал старик, вытирая руку о полу халата.

— Вот я у тебя стер с доски «акуту»,— ты, стало быть, не помрешь.

— Что значит «акута»? — дрогнув, спросил Берко.

— «Акута», если хочешь знать,—слово медико-хирургическое и значит «острая» или «скоротечная» болезнь. Теперь у тебя «акуты» нет. Рубцы у тебя зажили, только руку ты себе чуть не напрочь от'ел.

— Вы кто, господин начальник?

— Мы будем ротный фельдшер местного лазарета батальона военных кантонистов, старший унтер-офицер—Степан Ильич Осипов. Каково?

Фельдшер подмигнул.

— Деньжонки водятся?—спросил он.

— Да. Я отдал их хранить дядьке.

— Штыку? Парень верный. Был. Два раза забегал. Я сказал, что дело твое—табак. Ну, а теперь, вижу, пойдет на поправку. Придет Штык, скажи, чтобы дал мне на косушку, а то я тебе опять «акуту» напишу.

— Да я скажу ему, только не пишите «акуту»...

— Не будем писать.

Фельдшер ушел из комнаты. Длинная стрелка на часах догнала короткую и часы пробили двенадцать. Вскоре после того пришел в лазарет Петька Штык.

— Ну, зубы скалишь, стало быть, не зашьют в рогожку, — ответил он на печальную улыбку, которою его встретил Берко. — Рука болит?

— Чешется.

— Значит, заживает, если зудит. Мне фершал говорил, у тебя скоро зажила, а руку ты свою чуть не сгрыз. Ну, удивил ты всех, — хоть бы пискнул...

— Я испугался очень утром.

— Утром? Каким это утром?

— А как меня стали бить.

— Эва! С той поры утров прошло чуть не десять. У нас классы уж начались. Трудно мне с тобой будет, да и тебе не легко. Ну, да подтяну я тебя. Только вставай поскорей.

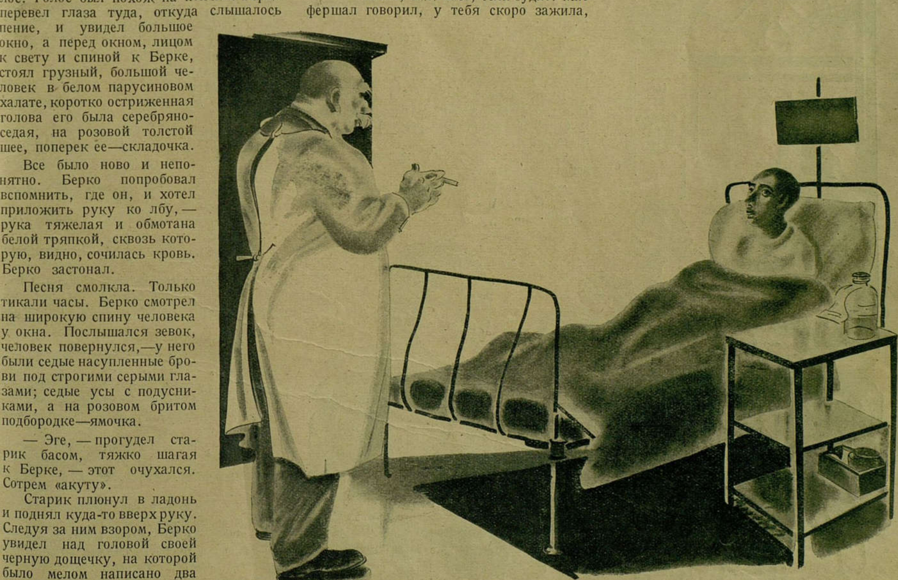
— Штык, дай этому фельдшеру сколько-нибудь денег из моих, а то он хочет мне написать «акуту».

— Не напишет. Зря тоже «акуту» писать не будут.

— Ты все таки дай ему сколько-нибудь...

— Дам. Ведь у тебя капитал-то вырос за это время. В прошлое воскресенье я еще на толкучке твою худру-мурду продал за три рубля. Теперь твоего капитала тридцать четыре рубля ассигнациями. Ты у нас, почесть, самый богач. Поправляйся скорей. Я пойду, мне на арифметику; вот, брат, наука—что ни слово фунт изюма. Прощай. Про тебя ротный батальонному докладывал: «Такой, говорит, закоренелый жидок, никак не терпит нашей молитвы. Начали его пороть, мертвым прикинулся». Верно, и мы думали, ты сердцем зашелся—и в нос тебе табаку давали и веки спичкой подпаляли. Лапки поджал, как жучок. Конечно, сразу трудно пришлось. Стали Ильича звать: «Несите, говорит, ко мне,— а к у т а». Дать ему, значит, на косуху. Прощай.

(*Продолжение следует*)

Что значит «акута»?—спросил Берко

А. Кожевников

Рис. худ. М. Доброковского

ГУБАХИН КУЗЬКА

Бежит жизнь, как колесо, и, как спицы, мелькают дни, месяцы и годы. Хлопочем и заботимся мы о сегодняшнем дне, а прошлое забыто... Забыты многие люди, которые погибли за нас, имена их нигде не записаны, ни в каких списках, не высечены на памятниках и камнях, не отпечатаны в книгах...

Так же вот забыта история Кузьки Губахина—молодого рабочего парня, и его имя нигде не записано, нигде не высечено...

* * *

— Эх, вы, кони-соколы!—кричит Кузька, подбирает вожжи и взмахивает кнутом.

— Пошли-и!..

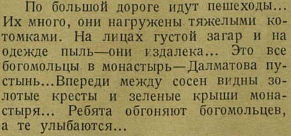
И лихая тройка не коней, а босоногих ребят, Кузькиных товарищей, скачем пускается по дороге... Они запряжены в ряд,—коренник бежит крупной размашистой рысью, как и полагается, пристяжные прыгают. Они выгнули шеи, склонили головы... Кузька—седок, он в деревянной тележке, гикает на свою стромкую тройку.

— Эх, вы, голубчики! Ходу, ходу, не ленись!

Кузька научился этому у кучера, который возит управляющего Железновским заводом.

Берут богомольцы белые окатанные камни

По большой дороге идут пешеходы... Их много, они нагружены тяжелыми котомками. На лицах густой загар и на одежде пыль—они издалека... Это все богомольцы в монастырь—Далматова пустынь...Впереди между сосен видны золотые кресты и зеленые крыши монастыря... Ребята обгоняют богомольцев, а те улыбаются...

— Котомки подвезем, ну? — предлагают ребята.

— Донесем, недалеко уж—и богомольцы упорно несут свои тяжелые котомки, они думают, что это приятно богу, в которого они верят.

Подкатывают ребята к воротам монастыря, трое остаются с тележкой, а Кузька идет во двор. Там соборы, часовни, в них народ. И двор полон народу, тех самых богомольцев с котомками.

Кузька идет мимо них к главному собору, где на паперти монах Паисий торгует святыми камнями, которые спасают от всех болезней.

Лежат камни на столе, прикрытом ризой, рядом ящик с иконкой на боку. Берут богомольцы белые окатанные камни, а Паисий говорит:

— Пожертвуйте на построение нового храма в честь Успения богоматери.

И опускают богомольцы в ящик семишники, пятаки, гривенники, а камни бережно прячут за пазухой, в сумках.

— Надо, отец Паисий?..—спрашивает Кузька.

— Привези, привези, сынок, да спасет тебя вышняя сила.

Кузька бежит к тележке, а оттуда ребята все едут на реку Железку.

Быстрая река Железка течет с гор. Все дно у нее засыпано белой, розовой и серой галькой. Собирают ребята эту гальку в тележку.

— Хитер Паис, ишь на какой дряни деньгу наживает.

— Нам, если попробовать продавать.

— Не купят! Эти камни святой водой кропят.

— Ничего не кропят, — возражает Кузька,—прямо от нас и в продажу. Обман все, дураков надувают. Сушат их, это верно. Мне Паис все рассказывал.

Кузька давно уж возит с реки Железки монаху Паисию святые камни.

Ездил парень однажды близ монастыря с тележкой, собирал сосновые шишки. Видит, что сидит под кустом монах и пьет вино, прямо из бутылки, без стакана.

— Чего, отец, делаешь?—спросил Кузька.

— Ах ты, чортово племя! Я думал, кто из братии. Уходи, не гляди на грех мой.

Отошел Кузька, а монах бросил бутылку в траву и пошел к пустыни. Идет, шатается, а Кузька видит, что монах оставил под кустом мешок.

Потрогал Кузька мешок, запустил руку, там галька, точно такая, как в Железке.

— Отец, отец!—крикнул Кузька, — мешок твой?

— Мой, мой. Эх, зелье сатанинское, память всю отшибло. А ты, раб божий, довези мне его до пустыни.

— Зачем тебе камни?

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Не умудрил господь! Это святые камни, благодатью божеской наполнены. Чудодейственны, содержат в себе великую силу исцеления.

— Это же из Железки.

— Ха-ха-ха,—засмеялся монах,—ты думал с неба их мне посылают? Нет, хожу и собираю.

— Потом куда?

— Продаю.

— Продаешь?

Паисий захмелел и разоткровенничался.

— Богомольцам. Святые, мол, чудодейственные. И покупают, есть дураки, много дураков, на нашу жизнь хватит,—умрем, останется.

Вспомнил Кузька, что и у его матери есть такие же камни.

— У мамки есть они,—сказал он.

— Значит, у меня взяла.

— Пустишь его в воду и пузырьки пойдут.

— Из этих тоже пойдут. Посушить их, и все. Пузырьки, я говорю им, это дух святой, а они верят. Дураки. Довезешь што ли?

— Айда!..

Погрузили мешок на тележку и Кузька попер...

Снес Кузька камни в келью Паисия и получил за работу пятиалтынный.

— Я и в другой раз могу привезти камней.

— Вози, вози, только братве нашей и мирянам нишкни. Не то заслужишь проклятье, анафему. Иди, а завтра мне мешочек.

Монах Паисий, когда выпивал, всегда говорил не братия, а братва.

С того времени начал Кузька возить с Железки в пустынь святые камни; теперь ему помогают ребята. Много расходится в пустыни камней, особенно летом и в посту. На зиму монах Паисий заготовляет их большую кучу, воза в два.

Привезли ребята тележку камней, сдали монаху, получили по пятаку и помчались домой на Железновский завод.

* * *

В 1682 году на левом берегу Железки был построен Железновский завод, на правом же была Далматова пустынь. И стал завод с первого дня врагом пустыни.

Гнали в Железновский завод народ со всех мест, народ повинный перед начальством, бежавший от рекрутчины, повинный в расколе.

Ставили его к домнам, спускали в рудники, посылали в леса жечь уголь и рубить дрова. У домн и в руднике, и в лесу были солдаты, они следили, чтоб никто не убегал. А кто убегал, того ловили, пускали на него собак и били палками.

Все время жил на заводе монах из Далматова монастыря и кого он замечал в склонности к расколу, того посылали в Сибирь, заточали в монастырские подвалы. Много сидело узников в подвалах Далматова монастыря.

Передавали отцы сыновьям ненависть к монастырю. Умер Кузькин отец в лесу, когда жег уголь на завод и на монастырь. Умирая, он показал на монастырь и сказал:

— Вон наш враг. Он вытянул мои жилы и твои вытянет. Спалить его надо. Того, кто спалит его, не забудут! Поверь мне—не забудут!

Умер отец, а Кузька заступил его место, пошел в лес рубить дрова.

Паисий в чем-то провинился и его отправили в дальний скит в Тобольскую губернию. Пожалел Кузька Паисия. Хоть он и обманывал народ, а в пьяном виде был откровенен: рассказывал Кузьке про монашескую братву, показывал погреба с вином.

Узнал от Паисия Кузька, что нет в монастырях никакой святости, один обман.

— В свое удовольствие живет наша братва, что касается правды, пусть другие бегают за ней. Нам она не нужна.

Вместо Паисья приставили продавать камни монаха Платона, мрачного седого старика.

Пришел к нему Кузька и спросил:

— Камней-то надо? Привезу.

— Каких камней, что ты сын говоришь?

— С Железки, которые за святые продают.

— Исчезни, сгинь, сгинь,—забормотал Платон и начал крестить Кузьку.

— Да я же все время Паису возил.

— За это он и угодил в скит, на покаянье. Больше ко мне не приходи с таким словом, не вводи в грех.

— Сам будешь ходить за камнями?

— Замолчишь ты, да я тебя!—рассердился Платон.

И Кузьку не стали пускать в монастырь, а он плюнул и сказал:

— Не надо, а про камни все равно расскажу.

Рассказал Кузька матери, а она ему:

— Ты не вздумай про это разбалтывать. Узнают монахи, изведут. И не тебя только, а всех отправят, куда и глаз человечий не заглядывал. Теперь, ведь, они в силе.

И молчал Кузька до тех пор, пока не поступил на работу. Там в лесу както разговорился с рабочими и рассказал им.

Долго смеялись они. Думали, что так и останется все, что они говорили, в тайне, в стенах шалаша, ан нет, узна-

Кузька с ребятами собирал камни

лось. Кто-то донес начальству завода, заводскому попу и в монастырь самому настоятелю.

Рубит Кузька дрова, спокоен, и вдруг — нарочный.

— Кузьку Губахина требуют в контору. Сам управляющий.

— Зачем?

— Этого нам не говорят. Садись, поедем.

Сел Кузька к нарочному в тарантас.

— Может знаешь, зачем?

— Про камни ты говорил, про монахов?

— Ну, правда, ведь.

— Не всякую правду выкладывай. Узнал настоятель, и поднялась суматоха. Потребовал управляющего к себе и, сказывают, кричал на него, грозился уволить. Ты, ведь, знаешь, что завод-то монастырский, ну настоятель и есть хозяин, а управляющий холуем у него. Уволят тебя, пожалуй. Попа заводского к себе требовал, приехал он от настоятеля бледный-бледный, и все из-за тебя.

Вошел Кузька в кабинет управляющего, перетрусил немного, неловкость появилась. Покатились ноги по начищенному паркету, еле-еле удержался.

— Ты Губахин Кузька?

— Я.

Кузька оглядывает комнату и видит за столом управляющего в белом пиджаке, пуговицы медные с орлами.

Он выбрит, под носом рыжие пухлые усы, в руке длинная дубовая линейка.

— Если ты будешь соваться не в свое дело, я тебя выгоню!—кричит управляющий, отчеканивая слова и стучит по столу линейкой.

— Скажи всем, что ты никаких камней в монастырь не возил, а все это выдумал и наврал.

Хотел Кузька сказать, что он возил, но управляющий не дал ему говорить.

— Завтра пойдешь к мартену [1]. Запомни, если что—в Сибирь упеку.

Кузьке вдруг стало весело, у него появилась неожиданно мысль.

«Глуп управляющий,—в Сибирь, чем думает устрашить»,—и, усмехнувшись, он сказал:

— Мы и так в Сибири.

— Пошел вон, щенок!

Управляющий вскочил. У Кузьки вдруг заболел висок, завертелась комната, закачался большой портрет царя, который висел на стене. Выбежал парень из кабинета на улицу, остановился и начал с усилием что-то припоминать.

«Да, да, он ударил меня. Линейкой, дубовой линейкой в голову».

Работал Кузька у мартеновской печи. Пылала она своим огненным зевом, внутри у нее клокотал жидкий белый чугун. Огонь растопил его в кипяток, сделал легким. И чугун прыгал, плясал, точно кипящее масло. В нескольких шагах от печи был нестерпимый жар, он опалял лицо, от него скручивались волосы, а Кузька подбегал к самому жерлу и лопаткой кидал в него куски железа и руды. Голову прикрывал Кузька валяной шляпой, глаза—темными очками. Когда сливали жидкий плавленный чугун, он бежал по глиняному жолобу и белым жарким падуном падал в большой ковш. Искры летали по всему цеху, подобно огненной пурге, темный цех пылал, и на небе играло зарево, как кровавая рана. Казалось Кузьке, что ранено само солнце и истекает своей солнечной кровью.

«Вот бы такой огонек забросить в пустынь, в обитель монашеской братвы. Посмотреть, что останется от святых икон, мощей и камней!» И Кузька таил мысль— поджечь монастырь. Пусть пламень охва-

[1] Мартен — печь, в которой плавят чугун и железо для получения стали.

тит колокольни, плеснется по крышам и куполам и повиснет на крестах. Перегорят перекладины, и упадут колокола.

Грезился Кузьке великий пожар монастыря, а он, Кузька, шурует, разбрасывает головни туда и сюда. Весь в пламени, в искрах, но ему не страшно, он, ведь, у мартена получил закалку.

***

В 1917 году в один из весенних дней завыл гудок Железновского завода. Собрались все рабочие на заводский двор. Управляющий об'явил:

— Революция, царь отказался от престола! Временное правительство!

Загалдели все:

— Отнять от монастыря завод. Будет, потянул наши соки.

— Кто хозяин будет?

— Сами.

— Ну, нет, это называется грабеж. — И не дали завод рабочим.

Был монастырь хозяином все лето семнадцатого года.

Осенью в центре сделалась другая революция, Октябрьская. И в Железновском заводе сделали такую же революцию. Всю власть забрал рабочий совет, управляющего посадили на телегу, запрягли в нее плохонькую лошаденку и пустили.

— Поезжай, куда знаешь.

Моросил дождь, была слякоть. Лошаденка медленно тащилась по разбитой дороге. Сидел управляющий в белом пиджаке и мок.

За околицей повстречались ему рабочие, нахлестали лошаденку. Понесла она, завертела грязным хвостом, полетела грязь ошметками с хвоста и колес, забрызгала белый пиджак управляющего.

Уехал он в монастырь и остался там. Узнали рабочие и послали в монастырь делегацию, — Кузька ходил с ней. Вызвала делегация самого настоятеля и сказала:

— Мы вас пока не трогаем, и вы сидите смирно. Зачем укрываете наших врагов, управляющего зачем приняли?

Пообещал настоятель отправить управляющего и отправил, только не на телеге, а заложил пару самых лучших монастырских коней. К дугам подвязал колокольцы.

Злились потом рабочие.

— Ах, он чорт долговолосый, припомним мы ему!

Полагалось по программе—отобрать у монастыря все земли и угодья, все богатства и дома, а монахов вразгон, на все четыре стороны.

Прежде всего взяли завод и выбрали для управления комитет. Потом комиссия описала все богатства монастыря, опечатала, а монахам сказала:

— Живите пока, там будет распоряженье.

Кузька встретил монаха Платона и спросил:

— Камни как, ходко идут?

Ничего не ответил монах, отошел.

Во время обыска по кельям нашли в Платоновой келье в потайном шкафу много камней.

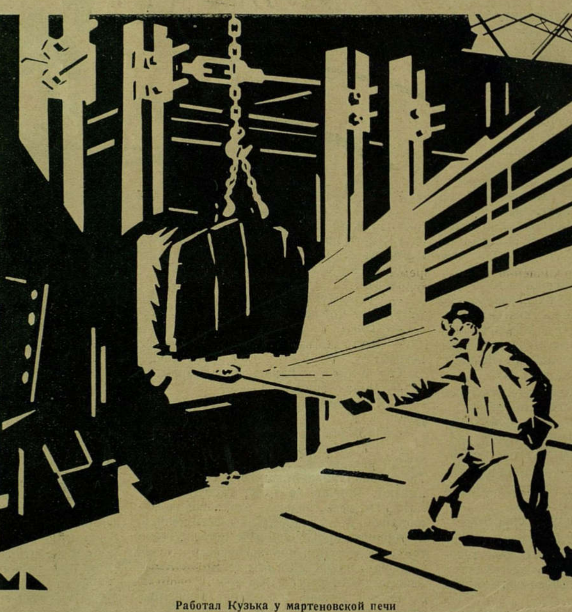
— Ишь заготовил, а ну-ка, выноси их на двор.

В тот же день собрали народ на монастырском дворе и устроили митинг.

Кузька рассказал про святые камни.

— Сегодня нашли их целый шкап. Вот они, глядите, все самые настоящие, из реки Железки.

Взволновался народ, хотел побить этими камнями монахов, да совет не дал.

Работал Кузька у мартеновской печи

— Они свое получат, а вы не верьте обману.

Говорил Кузька с бочки и вдруг видит, что идет по большой дороге мимо монастырских ворот монашек. Знакомый будто. Длинный, худой, согнулся, в руках посох, на спине сумка. Черная ряса выцвела, позеленела, скуфья тоже.

— Эй, товарищи, позовите сюда того монашка.

Кликнули, вошел он на двор и ахнули все.

— Да, ведь, это Паисий!

— Брат Паис, откуда?—не ожидали монахи своего опального брата и были не очень довольны.

— Мы тебя здесь, отец Паис, вспоминали. Говорили, как я камни с реки возил тебе. Правду ли я говорил?—обратился Кузька.

Паис сдернул сумку, подал Кузьке, и посох ему же, сам забрался на бочку и заговорил пискливым голоском:

— Истину он сказал, сущую правду, что камешки всегда с реки брали. Обманывала вас монашеская братва, шибко обманывала.

— И ты, отец Паис?

— И я, и я, каюсь, перед всем народом каюсь. А они—первые грехотворцы и лентяи. И святости никакой нет, один обман.

Заволновались монахи, закричали:

— Анафема, анафема!

— Не боюсь,—пискнул монах Паис.— Я теперь к товарищам,—и замешался среди рабочих.

— Кузьма, можно у тебя главу свою преклонить. Братва меня теперь не пустит.

— Можно, отец Паис.

И монах Паис поселился у Кузьки, на всех антирелигиозных митингах он выступал перед народом и рассказывал про монашеские проделки.

В монастыре было тихо, никто не шел туда молиться. Утром и вечером несмело и одиноко названивал небольшой колокол, сзывая на моленье.

— О чем они молятся? — спрашивал Кузька у Паиса.

— Об одолении врагов.

— Кого, каких?

— Да вас, большевиков. Каждый день по два раза молятся.

— Откуда ты знаешь?

— Как мне не знать их, полжизни, ведь, прожил. У меня там доброжелатели есть и друзья ваши.

— Наши друзья?

— Да, два монашка, видаюсь я с ними тайком. Сочувствуют они вам и перешли бы, только боятся, что не примут. Замолви за них словечко в совете.

— Сведи меня с ними.

— Могу, могу.

Условились, что свиданье будет ночью.

После работы Кузька зашел к Антону Саламатову,—был старик верный и смелый, работал он в одном цеху с Кузькой.

— Антон Иваныч, пойдешь со мной.

— Куда, ты?

— Свиданье с монахами устраиваю, а не верю им. Черные души, заманят еще куда и прикончат.

Старик согласился.

(Окончание следует)

Я. Уральский

ЧТО ГОВОРЯТ О ШКОЛЕ?

Деревенские школьники

В работе, в игре или в школе за книжкой
Горим мы весенним огнем.
Надейся на нас, комсомолец - братишка,
Мы смене на смену идем.

(Из «Пионерского марша»).

24 и 59 отряды Бауманского района решили проверить успеваемость своих пионеров в школе, и что же обнаружилось? Большинство ребят отстают в учебе, плохо дисциплинированы, мало принимают участия в общественной работе.

Чем же об'ясняются эти недочеты? Ребята об'ясняют, что они перегружены, отряд много времени отнимает. Проверили, какую нагрузку они имеют в отрядах, и оказалось, что многие из них совсем никакой работой не нагружены.

В Давлекановской школе II ступени половину учащихся составляют пионеры. Там ребята не перегружены общественными обязанностями. У них другая причина. Никак не могут хладнокровно выслушать урок. Когда преподаватель об'ясняет, ребята все оживленно разговаривают между собой. Посмотрит учительница на одного, он делает вид, что внимательно слушает. А как только отворачивается на минуту, тот продолжает прерванный разговор. Вызывает преподаватель обществоведения пионера. Спрашивает о только что проведенной беседе, тот стоит, опустив глаза, и молчит, как будто полный рот воды набрал.

То же самое и в 3-й школе Заволжского района Костромской губ. Отстают ребята в учебе и этим подрывают авторитет всей организации.

«Когда неорганизованный отстает, никто ему ни слова не говорит, а на пионера все пальцами указывают: ведь, ты— пионер!»—жалуется деткор Комлев.

Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Пионерский закон говорит, что пионер должен стремиться к знанию. Знания мы получаем в школе.

Отряды должны контролировать [1], как их ребята занимаются в школе. Это же должен делать и школьный форпост. Кроме того, форпост в школе может организовать группы взаимопомощи из пионеров. Пусть более знающие ребята помогут отстающим.

Здесь-то пионеры могут на деле показать, как они выполняют 3-й закон в жизни.

Вот в Киеве в 50-й трудовой школе ребята так и поступили. Прикрепили к неуспевающему развитого пионера и к концу триместра в школе не было ни одного пионера, отстающего в учебе.

В школе форпост не считается с тем, что пионер выполняет несколько обязанностей в отряде, и в свою очередь «догружает» его. Нужно увязать школьные и отрядные занятия так, чтобы одно не мешало другому. А как же это сделать?

Не следует перегружать ребят тысячью обязанностей. Если пионер выполняет в школе работу, отряд должен с этим считаться. Не нужно устраивать отрядных и звеньевых сборов во время занятий в школе, когда можно это сделать после уроков.

Каждый пионер должен научиться распределять свой день так, чтобы даром времени не терять. А от правильного распределения времени зависит все.

* * *

Как часто наши слова расходятся с делом. В торжественном обещании, в выступлениях, мы говорим одно, а в будничной работе делаем другое. В наших песнях мы говорим о великих делах, которые нам придется завершить, о заветах Ленина и т. д.

В одной школе Бауманского района отремонтировали заново все помещения. Стены сверкали своей белизной только два дня. На третий день на стене красовалась надпись:

«Начинаю стенгаз».

Через день написали передовую. Нашлись «талантливые» поэты, которые поместили там свои стихи. Не ударили лицом в грязь и прозаики. Коллективными усилиями «всей массы»—и неорганизованных ребят и пионеров—«стенгаз» был закончен в три дня.

Редколлегия стенгазеты форпоста и за три дня свою газету никак не могла выпустить. А разве это единственный случай порчи общественного имущества? Каждая парта представляет собой «исторический справочник». В 1926 году можно узнать, что на такой-то парте в прошлом году сидел Чижиков Андрей, так как он вырезал ножом на парте свою фамилию. А сколько оконных рам и стекол выбивается ежедневно? А ну-ка, форпосты, займитесь учетом всего этого в вашей школе.

Но не везде так расточительно относятся к общественному имуществу.

Вот что нам пишет деткор Герцен.

«В гор. Павловске имеется 2-я школа семилетка.

Начало учебного года. Во всей школе,—ни одного целого стола, поломанные парты. Избранный учком сразу взялся за дело. На собрании учащихся был поставлен вопрос об обслуживании школы своими силами. Ребята охотно взялись за работу. Работали под руководством столяра, группами — поочередно. Теперь во всех группах исправлены парты, столы, даже классные доски сделали своими силами».

* * *

А наше отношение к учителям? Относимся ли мы к ним, как к своим старшим товарищам?

«В 39-й школе МОНО учитель рисования—человек мягкий. Преподает хорошо. С ребятами прост. Кажется, чего еще надо для того, чтобы отношения между ним и ребятами были хорошие? Оказывается, нет. Нашим ребятам, видно, нужна палка или грозный голос. Войдите на урок рисования... шум, гам, крик, смех... Учитель кому-нибудь одному усердно об'ясняет, а другие орут, подчас даже насмехаются над преподавателем:

— Борис Иваныч, мы уже нарисовали, а вы еще канителитесь...

Почему же это так? А потому, что Борис Иваныч не кричит»,—пишет тов. Плотке.

Едем в 44 школу гор. Витебска. Там школьники—люди более солидные. Во время урока вступают в спор с преподавателями. Один раз ребята своими спорами сорвали урок. И спорят по мелочным вопросам.

«Этим мы теряем весь свой авторитет в глазах учителей. Если преподаватель даже не прав, можно об этом сообщить в школьный совет, а не мешать остальным школьникам заниматься»,—пишет К. Гликман. Присоединяемся к его мнению.

Едем дальше из Витебска в Старосельскую семилетку. Там один пионер на уроке природоведения стал осмеивать преподавателя. Учитель задает ему вопрос, а он отвечает, передразнивая учителя. Когда учитель назвал поступки этого пионера пакостью, тот перестал отвечать урок и заорал: вы не имеете права меня так оскорблять (?!).

В Советской стране—учитель первый друг и товарищ школьника. В капиталистических странах учитель морочит головы учеников ненужными науками, старается воспитать из школьников послушных рабов. Там школьники ведут с такими учителями борьбу. А у нас положение другое, и каждый школьник должен это знать. У форпоста в школе дела — непочатый край. За работу!

[1] Проверять.

НАША ШКОЛА РАБОТАЕТ ХОРОШО

Начало

Первый день в школе после долгого летнего перерыва. Шум, крики, смех... Вновь видишь старых ребят. Делимся всеми летними впечатлениями. Тут и отдых, и книга, и походы, море, деревня, спорт и будущая школьная учеба и работа. Наши друзья — преподаватели, радостно улыбаются и приветствуют нас.

Школа перешла в новое помещение. С новыми мыслями и стремлениями разбрелись мы по зданию. Светлое, большое, чистое, влечет оно нас к себе. Просторные классы, залы.

Видишь себя уже в работе, заваленным уроками, докладами, нагрузками. Снова учиться, снова работать.

В классе

Звонок. Шумным, гудящим потоком вливаются ребята в класс. С боем занимают парты. Не перестают говорить о лете, о будущих занятиях. Как-то непривычно сидеть за партами после поля и леса.

Входит преподаватель и шум несколько уменьшается. Завязывается живая беседа о перспективах будущей работы, о разработке собранного за лето материала (экскурсии в Крым и на Кавказ). И говорили еще о том, как поставить на ноги, призвать к жизни заглохшие за лето кружки и комиссии. И особенно нам нужно в этом году приналечь на самоуправление. Ведь старшего класса нет. Они ушли в профшколы.

Как-то незаметно пролетели сорок пять минут первого урока.

Форпост работал плохо

Наша школа насчитывает около 100—110 пионеров и человек 30 октябрят. Вся эта масса была разрознена и меж собой не связана пионерской жизнью в школе, если не считать работы в отряде. Влияния пионеров раньше совершенно не чувствовалось, хотя некоторое плохое поведение среди них было налицо.

Когда впервые в прошлом году к нам прикрепили комсомольца, энергично закипела работа форпоста: выбрали совет, пионеры вошли в школьком и кружки. Созвано было открытое общее собрание форпоста, привлекшее много школьников.

Через некоторое время вожатого сместили и с тех пор в продолжение всего года сменялись один за другим, как картины в кино, наши вожатые. Бегали мы в райком, в отряды... но ничего не добились. Вследствие этого дисциплина школьника-пионера упала, активность снизилась, и, вместо 110 человек, в этом году форпост состоит уже из 89 человек.

Горячее молоко

Давно уже на заседаниях школькома стоял на повестке дня вопрос о завтраках в нашей школе.

Судили, рядили, создавали «планы» о том, как было бы хорошо, если бы собрать сейчас среди школьников деньги, пойти в кооператив или на базар, накупить продуктов, дать приготовить служителю, и таким образом положить начало горячим обедам.

Или войти в соглашение с одним из родителей, который нам смог бы помочь в этом деле. Но, к сожалению, эти, на первый взгляд вполне выполнимые возможности, не были выполнимы для нас, благодаря целому ряду причин, а главное, благодаря бездеятельности как школькома, так и школьной массы.

Только тогда, когда инициативная группа ребят, одолживши у школьного кооператива деньги, начала отпускать школьникам горячее молоко с булками, раскачалась школьная масса. Сначала отпускали чашку молока с булкой за 9 коп., но затем, когда выплатили долг и окупили расходы на посуду, стоимость молока смогли понизить до 6—7 коп.

Кроме того, на заседании школьного комитета составили список особенно нуждающихся ребят с 1-й гр. по 7-ю и выдавали им молоко бесплатно. Таких ребят насчитали мы до 25—30. Выбрали хозкомиссию, которая покупала и следила за раздачей. Ежедневно потребляли около 8—10 литров молока. И как только звонок давал знать о большой перемене, небольшая зала была сплошь набита ребятами с чашками молока.

Как организована жизнь школы

Через неделю после начала занятий мы провели поклассные собрания. Из каждого класса выбрали в школьком по два человека, а так как у нас две смены, то численность школькома—21 чел. Из своей среды школьком выделил президиум из 3-х человек -преда, зампреда и секретаря. Кроме того, в него входит зав. школой, вожатый форпоста и секретарь. Для младших ребят, начиная с первой группы по четвертую, организован младший школьком из 12 чел., тоже по 2 из класса. Председатель школькома прикрепляется для руководства младшим школькомом. Поклассно выбирается редколлегия (по 2 чел.) для сбора материала и выпуска стенгазеты, санком (по 2 чел.)—для присмотра за чистотой здания и классов, клубком (по 2 чел.)—для ведения культпросветработы.

Библиотека у нас обще-школьная (старшая) и насчитывает: до 600 экз. книг, читалка—270 экз. Стенгаз выходит почти ежемесячно и имеет по 15—35 заметок. Также издается журнал «Юная Новь». Вышло уже 5 номеров.

Из кружков работают: полит, литературный, шахматный; членов в первом—43 чел., во втором—35 и в третьем—20 чел. Педагогический персонал всемерно идет нам навстречу во всех наших начинаниях.

Деткор **И. Капицкий**

Одесса

ЗА УЧЕБУ

Закрылись площадки. Приехали ребята из лагерей и санаторий. Много ребят было в Крыму, на Кавказе... Каждый видел много интересного.

Но вот и сентябрь. Все уже в городе. В школах начали принимать заявления. Снова ожила и наша школа. Ежедневно с утра толпятся здесь родители, приводя своих детей записываться в школу.

— Пожалуйста, уж примите моего сынишку к себе в школу,—пристает какая-то мамаша, так и просится в школу. Учится хочет.

— Ладно. А вам что?

— Мне удостоверение.

— А я хочу узнать, приняли ли мою сестренку?

— Тише! — успокаивает заведующий посетителей. Шум продолжается.

Так продолжалось несколько дней.

Наконец, сегодня, 20 сентября, первый день занятий. Сбежались ребята в свою школу, и тут начинаются товарищеские встречи.

— А, Митя! Будь готов!

— Как дела?

— Ничего, хорошо.

— А какие новости в Крыму?

— О, там море. Ходил я по горам. А в санатории весело было—спорт, игры, душ...

Долго еще продолжались товарищеские беседы о площадке, о лагере, о Крыме, о других городах.

С радостной улыбкой на лице встретили ребята первый звонок. Как-то странно. Столько времени не слыхали, а теперь... Расселись по партам.

— Здравствуйте, дети!—это вошла любимая учительница, София Эммануиловна.—Ну, как провели время?

— Хорошо!—несется в ответ.

Все рады встрече. Побеседовали, поделились впечатлениями о проведенных каникулах и принялись за организационную работу.

Еще до этого ребята обсудили порядок выборов в самоуправление. Долго между собой обсуждали, намечали, предполагали...

А сейчас начались выборы.

Целый ряд кандидатур.

— Родштейн—примерный пионер и ведет хорошо работу,—высказывается ученица VII группы,—я думаю, что он подойдет в школьный исполком.

— Правильно! Верно!

— Голосую. Кто за? Единогласно.

Теперь в редколлегию. В целом ряде других комиссий не мало пионеров, но и неорганизованные также втягиваются в работу школы, чтобы вместе, сообща, вести общую работу. Комиссии выбраны. Школьный исполнительный комитет встал на новые рельсы своей работы. Впереди много задач.

Первое—это завет Ленина: «Учиться, учиться и учиться». Это помнят все. Общественной работы по управлению школой много. Надо и здесь работать. Надо управлять самим школой, ведь она трудовая школа, новая.

Итак, с сегодняшнего дня снова вперед к знанию. За учебу.

С углубленным вниманием слушают школьники... Сегодня первый урок—физика.

Деткор **Зиновий Биленко**

УССР, г. Харьков, школа № 33.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Хотя нам нужно было притти к двум часам, но уже пять минут второго М. Власьевский пер., где помещается наша школа, наполнился веселой шумной массой школьников.

У дверей школы собралась толпа учениц, которые весело и беззаботно разговаривают.

Вот высокая девочка, с вечно смеющимися глазами, обращается к другой:

— Ты, Ныркова, как провела лето?

— Я? Я в деревню ездила. Ох, и хорошо там было—по ягоды ходили, купались.

— Хорошо в деревне летом...—декламирую я,—а я, девочки, была на родине, в Иваново-Вознесенске.

Все смеются.

— Это, значит, ты была в фабричном чаду, а не на вольном воздухе,—пищит Рыхлова.

— Нет, там лес недалеко, а мы туда часто ходили. В лесу река холодна-а-я, там мы и купались,—защищаюсь я.— Ну, а кто из девочек учиться хочет?

Все нерешительно мнутся.

— Еще бы немножко погулять не мешало,—гудит Захарова.

— Да, да. Еще немножко,—подхватывают другие.

— Пускают! Пускают!—кричит Андреева, и мы, словно лед в половодье, бурно ринулись в стены школы.

Быстро собрались мы по классам и после вступительной беседы о наступившем учебном годе и знакомства с новой обстановкой разошлись по домам.

На следующий день у нас начались занятия и школьная жизнь начала постепенно устанавливаться.

С первых же дней приступили к налаживанию самоуправления. Выбрали во всех группах классkомы, состоящие из 3 ребят: культпросвет, санпросвет и председателя—он же учебно-учетная секция. Каждый классном завел «манкировочный журнал», где отмечает опаздывания и пропуска ребят. В ближайшее время будет выбран и учком.

Плохо дело у нас в школе с горячими завтраками. В прошлом году они были только в I ступени, а во II был только чай с булками, да и тем три четверти ребят не интересовались. Да и к горячим завтракам ребята относились более чем прохладно, не понимая их важности. Поставили на общем собрании вопрос о горячих завтраках. При голосовании—полное единодушие, поднимают руки почти все, кроме 3—4 ребят. Но когда дело дошло до записи, то... таких храбрецов, которые записались, оказалось человек 20, не больше. Остальные же скромно молчали. Что будет в этом году—не знаем. Форпосту и пионерам надо налечь на этот вопрос, чтобы не повторилось прошлогоднее «чудо»: как голосовать, так все, а как делать, так никого.

Есть еще два недостатка в нашей школе, от нас независящие: маленькое здание и отсутствие средств, благодаря чему мы не можем ввести Дальтон-план.

Деткор **Лыткина**

Москва

Занимаются дома. Вдвоем легче

НАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УВЯЗАТЬ ВРЕМЯ СБОРОВ И УЧЕНИЯ

Начались занятия в школах. Перед пионерами стал вопрос: каким образом сделать так, чтобы школьные занятия не мешали работе пионер-отряда, и, наоборот, чтобы пионер-работа не мешала школьным занятиям.

Некоторые отряды уладили этот вопрос, разбив ребят, учащихся в одной смене, в одни звенья. Таким образом, ребята, которые учатся утром, занимаются в отряде вечером, а те, которые учатся вечером проводят пионерские занятия утром.

Но в некоторых отрядах этот вопрос еще не разрешен до сих пор. Некоторые ребята из второй смены приходят из школы очень поздно и поэтому вечером они не могут посещать сборы, а утром в этом им мешают домашние причины.

Мне кажется, в этом случае есть один выход. В прошлом году по школам был разослан циркуляр (кажется, Наркомпроса), в котором говорилось, что педагоги не должны загружать пионеров большим количеством уроков на-дом, и что учебные занятия в школе должны кончаться не позже 7 час. Поэтому форпост через школьное самоуправление может потребовать от школьного совета выполнения этого циркуляра. Ребята будут освобождаться от школы раньше и смогут проводить пионерские сборы вечером.

Деткор **Б. Аранович**

Москва

САМОУПРАВЛЕНИЕ — БЛИЖЕ К РЕБЯТАМ

В прошлом году формы самоуправления в нашей школе не все время были одинаковыми.

Сначала мы избирали на общем собрании всех учеников школисполком и все школьные комиссии. Но скоро выявились все недостатки таких выборов. Между комиссиями и исполкомом была слабая связь, а частенько ее и совсем не было. При том еще на этих избирательных собраниях должны были присутствовать все ученики, а их в школе более полутора тысяч. И часто вместо собрания получался базар, на котором все кричали и говорили на рубль, а толку было на грош.

Затем классы не знали, что делается в исполкоме, комиссиях, кружках, и жили, как в пустыне.

К концу прошлого школьного года все эти причины заставили нас формы самоуправления изменить. Самоуправление стало хотя и сложней, да зато работоспособнее и более тесно связанным со всеми ребятами и классами.

Мы стали делать так: в каждом классе выбирают 3—5 делегатов. Эти делегаты собираются вместе и выбирают из своей среды бюро исполкома. Кроме этого бюро, в исполком входят еще представители классов.

Во все комиссии ребята избираются также представителями от классов. А для более тесной связи к кружкам и комиссиям прикрепляются представители от исполкома. После каждого собрания исполкома и комиссии каждый представитель делает перед своим классом отчет. Таким образом, классы всегда знают, что делается в школе.

В этом году мы собираемся ввести такую же форму самоуправления.

Деткор **В. Бычко**

Харьков, 18-я трудшкола

ТАКОЙ ШКОЛЕ НАДО ПРИТТИ НА ПОМОЩЬ

Мы хорошо знаем городскую школу, но совсем почти не знаем школы в глухой и отдаленной деревне, где нет пионеров и форпостов.

Опишу для примера школу в селе Дмитриевке, Тамбовской губернии, Моршанского уезда, Шереметьевской волости, которую я видел в прошлом году.

В селе около 300 изб, да плюс к тому 2 деревни, которые примыкают к селу. В селе имеется школа, состоящая из одной комнаты, в которой едва ли найдется десяток парт. На каждой парте сидят от трех до восьми человек. Учатся ребята в две смены, при чем на каждой смене по две группы.

Книг дают одну на десяток ребят. Ребята, разорвав книгу на несколько частей, делят ее между собой. Учитель у них был зажиточный гражданин, имеющий паровую мельницу, с которой он получал хорошую прибыль. Тетради и карнадаши в школу высылали бесплатно, при чем учитель их продавал ученикам за 6—10 ф. пшена. В школе иногда бывали собрания, на которых, главным образом, ребята ссорятся и дело кончается часто дракой. Самоуправление в школе имеется маленькое, есть санком и редколлегия. В стенгазету поступают большей частью заметки о «протаскивании». При чем ребята сначала газетой интересуются, а потом стаскивают газету со стены и разрывают ее на клочки с приговором и отпеванием. Родители к самоуправлению относятся плохо. Так одного мальчика, которого всегда выбирали старостой, мать избила, говоря: «Ишь, что затеяли, самоуправление, рано еще в коммуну записаться хочешь».

И вообще ребята идут туго на собрание и в самоуправление. В селе имеется ячейка ВЛКСМ, но очень еще слаба (6 чел.). И все это, в конце-концов, приводит к тому, что к концу учебного года в школе остается 2—3 ученика.

Сильные городские школы, а также пионеры и форпосты должны помочь таким школам.

г. Калуга Деткор **Г. Соломатин**

По дороге в школу

Пионеры слесари

Пионеры, с которых не надо брать примера

БЕСПОЩАДНАЯ ВОЙНА ХУЛИГАНСТВУ

Сейчас все говорят о борьбе с хулиганством. Хулиганство растет не только среди взрослых, но и среди ребят. Я считаю, что пионеры должны принять большое участие в борьбе с детским хулиганством.

А на самом деле, что происходит?

Очень часто пионеров можно отличить от хулиганов, разве только по галстуку.

Вот после сбора идут пионеры домой. Почти всегда ребята начинают задевать друг друга, толкаться, гоняться друг за другом. Конечно, достается при этом и прохожим—не попадайся на дороге. А вслед такой кучке пионеров слышатся нелестные замечания:

— Хулиганов воспитывают!

— Безобразники!

Я думаю, что редкие из читателей «Пионера» не слышали таких выражений, если не по своему адресу, то по адресу своих товарищей.

А ребята, вместо того, чтобы удержать хулиганствующих ребят, очень часто еще восхищаются ими и подзуживают их.

А если же пионеры так ведут себя, то что же остается делать неорганизованным?

Надо всем ребятам обратить особенное внимание на борьбу с хулиганством. Не потакать ребятам-хулиганам, а одергивать их. Это дело не только вожатого отряда, но и каждого звена и пионера.

Деткор **Рива**

Москва, 158 отряд Зам. р-на.

НУ, И ПИОНЕРЫ!

Чудеса творятся в Товалдырском отряде юных пионеров! Посмотришь в списки, там красуется целых 24 пионера, а заглянешь на сбор—едва-едва наберется одинадцать.

Работа и поведение ребят не отстают от посещаемости. Тремя основными забавами заинтересованы некоторые пионеры—курением, руганью и самогоном. Курят так, что не разберешь, — не то паровоз идет, не то пионер,—только по красному галстуку и узнаешь. Ругаются так, что не только прохожие, но и стены краснеют. А про самогон и говорить не приходится. Один пионер на свадьбе брата так напился, что совсем опьянел и в таком виде, с красным галстуком на шее, пустился в веселый пляс.

Другой пионер, тоже в пьяном виде, подрался с товарищем да так, что еслибы не растащили их, так кто-нибудь из них убил бы другого.

Недавно достали книжек, и так как клуба у нас нет, то хранятся они у вожатого на дому.

Такие-то печальные дела у нас в отряде! Надо бюро пионеров и ячейке ВЛКСМ почаще заглядывать в наш отряд.

Деткор **Пионер**

Ст. Лебяжье, Вятской губ.

ОДНИ РАЗГОВОРЫ

Обычно считают, что пионер—всем ребятам пример. Ну, а у нас, наоборот—примеры не пионеры, а неорганизованные ребята. Научившись кое-чему у неорганизованных, пионеры достигли такого совершенства, что теперь могут дать вам пример того, что не надо делать.

Возьмем, к примеру, режим экономии. Многие из ребят даже не знают, что это за птица и даже не хотят с ней познакомиться. Когда жили в лагерях, то ничего путного не сделали, кроме того, что починили два маленьких моста. Зато как следует поработали над тем, чтобы при от'езде перебить в даче все стекла и переломать множество деревянных и даже металлических ложек.

Очень много кричат ребята о работе с неорганизованными. Прямо всем уши прожужжали этим. Но если вы подумаете, что наши ребята только говорят об этом, то вы ошибаетесь. Нет, они тесно связаны с неорганизованными: играют с ними в «козла», а когда те ругаются, то пионеры только смеются, а некоторые даже помогают ругаться, вместо того, чтобы сдерживать их. Игра в карты, как уверены наши ребята, тоже способствует теснейшей смычке пионеров и неорганизованных. Впрочем, есть еще почище дела у наших пионеров. На годовой праздник Фрола некоторые пионеры напились пьяными и с папироской в зубах гордо расхаживали по улице.

Теперь, если вы встретите пионера на улице, то обязательно без галстука. Не подумайте только, что ребятам стыдно носить их, потому что они плохие пионеры—ничего подобного. Просто лень; а то спросишь—почему галстука не носишь,—отвечают:

— Нам и так-то жарко, а тут еще галстук!

Такие-то дела творятся в наших отрядах.

Ребята! Если вы не хотите потерять остатки своего авторитета у неорганизованных ребят и взрослых рабочих—подтянитесь! Следите за выполнением пионерских законов и обычаев.

Вожатые и комсомольцы! Внимательнее относитесь к своим обязанностям и правильно воспитывайте свою смену.

Деткор **В. Смирнов**

Завод «Красный Профинтерн», Яросл. губ.

НЕ ГРУППА, А ЗВЕРИНЕЦ

Самая отчаянная группа Иголковской девятилетки,—седьмая. Чтобы убедиться в этом, достаточно присутствовать на одном немецком уроке и даже не утруждать себя приходом в перемену. Да это бывает даже опасно—не зная за что, можно нечаянным образом получить оплеуху. Но вернемся к немецкому уроку. Входит преподаватель; его встречают приветственными криками. Во время урока не смолкают разговоры, которые мешают заниматься и самим ученикам и преподавателю. По выходе преподавателя из класса в догонку ему летят опять-таки звериные крики.

Так каждый урок. И это на второй неделе занятий! Что же будет дальше? Просьбы и увещевания преподавателей забываются сразу.

Грустнее всего то, что в этом же классе есть пионеры и комсомольцы. Пионеры свое влияние проводят слабо, несмотря на то, что в отряде проводятся беседы, как должны работать и вести себя пионеры в школе. Если это безобразие будет продолжаться и дальше, то пионерам будет непростительно. Они должны распространить свое влияние на неорганизованных ребят, а не поддаваться сами их влиянию. Они должны помогать учителю—и сами быть во всем хорошим примером.

Ведь пионеры торжественно обещали исполнять законы и обычаи и, несмотря на это, не выполняют четвертый закон. Пионеры прежде всего должны быть пионерами и совместно с преподавателями наладить дисциплину в данной группе. Еще горячее должны взяться за эту работу комсомольцы, тем более, что двое из них состоят в классkоме.

Пионеры, принимайтесь за работу. Не позорьте звание ленинцев.

Деткор **Мазилка**

Гор. Кемля, Ниж. губ.

ДАЙ СЛОВО

Письмо матери к пионерским отрядам

ОТ РЕДАКЦИИ. Помещаемое ниже письмо, написанное т. Селиверстовой, помещено в «Комсомольской Правде» и «Рабочей Газете». Тов. Селиверстова поставила очень серьезные вопросы; она обвиняет пионерскую организацию в том, что она воспитывает лодырей. Просим всех ребят не только прислать свое мнение, но и обсудить это письмо на звеньях и в отряде

Я это письмо пишу, потому что часто от многих матерей и отцов на улице, в лавке, слышу недовольство пионерской работой — но где это высказать? Собрания родителей пионерские отряды не собирают, а в газетах написать не всякий соберется. Поэтому-то вот и пишу это письмо.

Я слышу — каждый день в газетах и на собраниях говорят о том, что у нас рабочие не так работают, что у нас везде плохо относятся к работе, а новых лодырей вы сами же помогаете разводить из ваших детей.

Давайте, для примера, возьмем любой ваш отряд и проверим, кто из девочек умеет себе зашить платье, заштопать чулки, кто из мальчиков умеет пришить пуговицу, кто из них самовар ставит, дрова колет.

А если девочка помогает в домашней работе, то ее подруги говорят:

— Нас из школы отпустили гулять, а ты, дура, дома сидишь, работаешь.

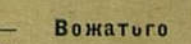
Как-то раз была в клубе. Смотрю, сидит пионерка с красным галстуком, в красном платке неподшитом, с лохмотьями. Юбка грязная и рваная, а она шашки передвигает. А мать, небось, с работы измученная, истерзанная, как собака, сиди—милой дочке зашивай.

А что, когда такие пионеры на завод или в учреждение пойдут работать, приучившись с малолетства отлынивать от дела? Так они и будут от работы бегать? То у них ухо заболит, то зубы, то голова, только, чтобы не работать.

Вот так и воспитываем работничков, а потом будем плакать, что симулянты[1] какие-то завелись. Дома делать в роде как стыдно, а в отряде такой работы нет. Поговори с любым из пионеров,—язык у него хоть куды, старых переговорит, а работать ничуть.

А в школе то же самое: 3—4 часа побудут, и—айда, ищи его, свищи, не найдешь. Заявится:—где был? Говорит—в отряде. Уроки на дом, — учительница говорит,—МОНО запрещает. Никакому ремеслу, никакой работе, которая нужна нашим ребятам, в чем вся жизнь заключена, не приучают.

Один раз пошла проверить своего, что он там в отряде делает. Смотрю, ребята на пальто друг друга катают, шапками в футбол играют. Вот их отрядовое занятие. Вожатого нет. Спрашиваю:—что вы делаете?

— Вожатого ждем.

— А когда у вас начало должно быть?

— В пять,— говорят, а было уже семь.

К чему так ребята приучаются? Только к лодырничеству и к лени. Матерям в теперешнее время самим ничего нельзя сделать. Да разве можем мы для них дома мастерские открывать или кружки, что ли? Да они и слушать не будут.

В школах у учителей тоже права отняли, а у вас в отрядах порядка нет. Вот мы и ходим друг к другу. Мы просим учителей меры принять, а учителя нас. А вы усмехаетесь над теми и над другими, только и слышишь от детей своих:

— А что вы нам сделаете?

Я предложила бы опросить других матерей о вашей работе, и вы услышите, что они вам скажут.

Все матери, я уверена, хотят, чтобы в отряде были мастерские, чтобы детей заинтересовали радио, выпиливанием, рисованием, одним словом,—каким-либо делом.

Сами вожатые должны быть трудолюбивые и умеющие что-нибудь делать,—чтобы вожатая сама умела шить, зачинить, заштопать, а вожатый, чтобы умел ребятам работу дать.

Если сами вожатые справиться не могут, пусть привлекут нас, матерей. Мы не откажемся обучать пионеров и пионерок рукоделию и стряпне.

Не откажутся и рабочие с завода —столяры, монтеры—бесплатно раза два в неделю позаниматься с ребятами.

Много, ведь, есть рабочих коммунистов и комсомольцев. Они-то уж наверняка совсем не откажутся поработать с пионерами.

Подумайте еще сами, попросите учителей, еще кого, но сделайте так, чтобы наши дети развивались и научились бы не разговаривать, а дело делать.

СЕЛИВЕРСТОВА

[1] Притворщики

В отрядных мастерских

УМЕЕМ ЛИ МЫ РАБОТАТЬ ИГЛОЙ, МОЛОТКОМ И ПИЛОЙ

Четыре года существует пионерская организация в СССР. Многого добились пионеры в своей работе, да про одно, одно из самых главных, позабыли.

Приобретают ли ребята в отрядах труд-навыки? Навряд ли из ста отрядов в десяти есть мастерские, где бы ребята получали полезные для себя труд-знания.

Приходится признать, что многие родители правы, когда говорят, что пионеры лодыри, ничего не умеют делать. И, правда, посмотрим у себя в отрядах—все ли ребята умеют пуговицу пришить, стул починить, свою книжку переплести? Кажется, нехитрые вещи все это сделать, а вот попробуйте.

Беру в пример себя—поломался дома у нас стул. Пионер должен все уметь делать, а умею ли я стул починить или хотя бы достаточно крепко заколотить его? Приходится сознаться—нет, не умею.

А почему этого ребята не умеют? Да потому, что отряды на это мало внимания обращают, нет трудовых мастерских, в звеньях не обращают внимания на изучение полезных ремесел.

Отряды перешли сейчас на зимнюю работу и им надо первой задачей поставить оборудование мастерских, обучение ребят пришиванию пуговиц, починке стульев и т. п. необходимым в клубе и дома, в хозяйстве, трудовым навыкам. Мы должны так поставить работу, чтобы никто не имел права говорить, что пионеры-лодыри.

Наш отряд обсудил этот вопрос и решил своей главной задачей в работе на ближайшее время поставить обучение ребят всяким трудовым навыкам.

Это поднимет авторитет пионеров не только в глазах родителей, но и у всех, кто сталкивается с пионерами.

Деткор Рива

Москва, 158 отряд Зам. района

Наши братья на Западе и Востоке

КАНИКУЛЯРНАЯ ПОЕЗДКА

Еще задолго до больших каникул мы решили устроить поездку за город. У нас не так, как у вас, где рабочие у власти. У нас господствуют капиталисты. Большинство наших родителей—безработные.

Когда мы хотели уехать в лагерь, мы вынуждены были собирать средства пожертвованием. У германского государства есть деньги для сбежавшей банды князей, но не для пролетарских детей.

Наконец, настал долгожданный день, когда мы, пролетарские дети, уехали из душных домов крупного города в Вербенгинзей (над озером). Здесь мы разбили три палатки. Девочки должны были спать в бараках, так как для всех не хватало места в палатках. Когда мы на следующее утро встали, мы тотчас же выкупались в озере. После этого надо было развести огонь. Девочки приготовили кофе и какао.

Вечером было собрание отряда, на котором была распределена работа на следующий день.

Иногда мы зажигали костер, и тогда пели боевые песни и рассказывали разные истории. В конце нашего отпуска мы устроили поездку пароходом до самого дома.

Будьте готовы.

Юные пионеры Шарлоттенбурга

(Район Берлина)

НАШУ ОРГАНИЗАЦИЮ ХОТЯТ ЗАПРЕТИТЬ

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ СОВЕТСКОЙ РОССИИ!

Ваше письмо мы очень поздно получили от нашего Центрального Бюро и поэтому только теперь можем ответить. То, что вы решили держать с нами связь, нас очень радует. Мы хотим вам сообщить о том, как мы устраиваем наши сборы.

Сбор открывается боевой песней, потом мы проводим беседы о политике, о школе, о детской нужде, а также о том, как развивать наши группы. В то время, как ваша организация быстро шагает вперед, у нас все идет медленно, так как мы должны много бороться с буржуазией.

Наш вожатый уже намекнул нам о том, что скоро запретят нашу организацию, потому что мы хотим свержения буржуазного государства и буржуазной конституции.

На сборах мы обсуждаем не только политические вопросы. Один раз в неделю мы собираемся, устраиваем народные пляски или игры.

Вечер, когда играем, мы используем одновременно для пропаганды. Приходят рабочие дети со своими родителями, они присматриваются к нашей работе. Мы приглашаем детей к общей игре с нами. Таким образом мы пробуем привлечь к нам рабочих детей.

В 8 часов вечера мы песней закрываем наше собрание, произносим наш клич «Будь готов» и расходимся по домам.

Приблизительно мы ответили на ваш вопрос. Пишите больше о вашей жизни.

С пионерским приветом — «Всегда готовы» ваши товарищи.

Пионеры Шарлоттенбурга

Берлин

НА ПОМОЩЬ ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДА

Сернозаводский отряд юных пионеров им. т. Семашко, Бугурусланского уезда, Самарской губ. вносит 6 рублей.

Ю. Чернявский, Богоявленский завод, Уральской области, вносит 40 коп. и вызывает всех деткоров «Пионера».

Ивановские отряды юных пионеров, Льговского уезда, Курской губ., вносят пять рублей и пишут: «Мы всегда готовы помочь пионерам заграницы в трудную минуту, мы помним о них, мы знаем о героической борьбе наших товарищей.

Кто следующий?

ПРИВЕТ ИЗ ЛАГЕРЯ

К ПИОНЕР-ОТРЯДУ ДЕРЕВНИ ПЕЗМОГ, АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КОМИ (ЗЫРЯН), УСТКУЛОМСКОГО УЕЗДА

Шлем вам, пионеры СССР, наш братский привет. Мы находимся теперь в нашем пионерском лагере, который расположен на высокой горе, среди красивых елок. На последнем собрании мы решили ответить на ваше письмо. Мы сами из местности Эгельсбург, расположенной среди Тюрингского леса. Это курортный и промышленный округ. Наши отцы по большей частью заняты на фарфоровых или стекольных фабриках. В городском управлении Эгельсбурга коммунистов большинство. Все мы посещаем светскую школу, где не учат религии.

Наш пионерский отряд восстановился 1 июля сего года. Мы организовались в классные ячейки. Ячейки назвали именами вождей революции: Ленина, Люксембург, Либкнехта и Макса Гельца. Мы построим еще клуб. Проводим беседы о борьбе за улучшение положения рабочих.

У нас имеются хоровые кружки. В них мы учимся петь революционные песни и ставим пьесы. Кроме того, мы устраиваем экскурсии в наш прекрасный Тюрингский лес. Чаще всего мы идем в наш пионерский клуб, там занимаемся физкультурой и проводим беседы.

В Эгельсбурге находится также рабочий детский дом «МОПР», который построен на средства русских товарищей. В этом детдоме находятся дети политических заключенных и ребята отцов, которых убили белые. Наша обязанность поддерживать этот дом. Поэтому мы содействуем МОПР'у продавая билеты (на вечера в пользу МОПР'а) или ставим в пользу МОПР'а пьесы. Чистый доход получает каждый раз МОПР.

Мы стараемся стать хорошими коммунистами и, несмотря на то, что в Тюрингии Союз Юных Спартаков запрещен реакционным правительством, всячески стараемся создать сильный пионерский отряд. Мы надеемся и в дальнейшем вести с вами переписку.

С коммунистическим приветом

«Будь готов»! Союз Юных Спартаков Эгельсбург, Тюрингия.

Марта Готшаль, Марта Мэллер, Минна Гофман, Лизе отте Мюллер, Эльфриде Зенглауб, Элла Зигфрид Горст Мэллер, Гюнтер Шнейдер, Курт Вейс, Анна Вюрц, Эрнс Мэртэн, Вернер Делер, Эрих Гух, Гертруд Шмидт.

Вожатый **Вальтер Каманн.**

БУДЕМ ПРОДОЛЖАТЬ РАБОТУ

Мы, юные пионеры Северного Китая, живущие далеко от вас, юных пионеров СССР, шлем вам свой братский пионерский привет.

Если бы вы знали, в каких условиях нам приходится сейчас работать! Озверевшая полиция смотрит за каждым нашим шагом и ищет себе добычу. Нам, в Манчжурии, даже не пришлось отпраздновать 6-й международной детнедели.

В воскресенье, 29 августа, мы должны были праздновать первый день детнедели. Все пионер-отряды стали сходиться к заранее назначенному месту за городом. В 10 часов открылось торжественное собрание. После приветствий и доклада мы двинулись обратно в город.

Не успели мы отойти от места собрания, как навстречу нам появилось три китайских полицейских с ружьями. Они быстро приблизились к нам и закричали:

— Маманди! (По-русски—стой!)

Пришлось нам остановиться. Появились конные полицейские и окружили нас. Полиция стала нас спрашивать зачем мы сюда собрались и есть ли у нас на это разрешение.

Так как у нас никакого разрешения не было, то комсомольцы пустились с полицейскими в разговоры, об'ясняя наше собрание закрытием детских площадок и началом учебного года.

Полиция построила всех нас в одну шеренгу и пересчитала. Потом более взрослые были арестованы, а остальных погнали домой с криками.

— Цуба! Цуба! (По-русски—уходи! уходи!)

По дороге китайская полиция придиралась к пионерам и арестовала еще троих ребят.

Теперь вы видите, как тяжело работать нам. Но мы не падаем духом, а бодро продолжаем свою работу.

Ждем от вас писем.

Деткор **В. Смирных**

Ст. Манчжурия

Отто Мельхиор

НА ЛОДКЕ ПО МОРЯМ

Путь из Дании в СССР—далекий, обыкновенно его проезжают по железной дороге, в особенности, когда приходится дорожить временем; реже путешествие совершается на пароходе, но никогда еще никто для переезда не пользовался обыкновенной лодкой.

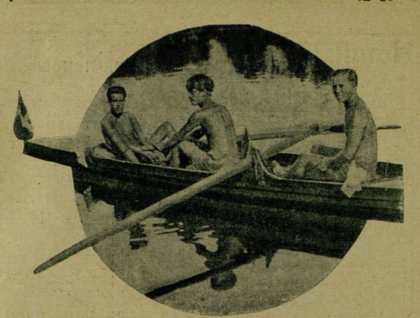
Порешили мы прошлою зимой—мы, т.-е. один датский коммунист и два комсомольца—повидать великое пролетарское государство. В Дании, как известно, жителей немного, а коммунистов и того менее. Большинство рабочих—социал-демократы, которые до сих пор еще не поняли, что рабочие только тогда смогут освободиться от гнета капиталистов, когда они поднимут революцию. Тем не менее в Дании заметно уже небольшое коммунистическое движение и есть пионерская организация.

Все трое мы специалисты по гребному спорту, и путешествие по морю на лодке нам казалось наиболее заманчивым. В лучшее время года — 24 июня, отплыли мы из Копенгагена. Направление взяли на север, сперва по восточному датскому побережью мимо Зеландии, а затем вдоль западных берегов Швеции.

Лодка наша—обыкновенная гоночная лодка в 7 метров длины и в один метр ширины,—открытая, и вещи пришлось положить частью в большие непромокаемые мешки, частью в металлический ящик. У лодки два весла.

Уже у шведских берегов нас застиг очень сильный северо-западный ветер. Мы двигались вперед чрезвычайно тихо. После двух дней пути лодка от волн наполнялась водою, мы старались насосом ее выкачивать, но в самом начале насос наш сломался. Что было делать?

Пришлось сойти на берег, бросить якорь, а затем с помощью кастрюль, банок и т. п. вычерпать воду из лодки. Такую процедуру пришлось повторить несколько раз, пока мы не доплыли до маленького порта. Жители местечка толпою собрались нас встретить и думали, что мы терпим большие лишения; каково же было их удивление, когда мы вытащили совершенно сухое платье из своих мешков и в прекрасном расположении духа, разгоряченные греблей, вышли на берег.

Датские комсомольцы приплыли в Ленинград

Еще несколько дней подряд задерживал нас противный ветер; наконец, удалось продвинуться на север и доехать до шхер. Путешествие по темно-синему морю между островками, состоящими почти из одних утесов, до города Гетеборг было удивительно привлекательно. Здесь мы переменили направление: поплыли вверх по небольшой реке Гетело, затем через шведские озера. Эти озера оказались очень бурными. Затем поплыли по старинным каналам, где устроено до 65 шлюзов, поднимавших нас на 100 метров над уровнем моря. Такая небольшая лодка, как наша, была редкой гостьей в этих краях. Часто бывало очень трудно плыть среди шлюзов и как-то раз лодку так зажало возле одного из них, что пришлось снова пустить воду в шлюз, чтобы высвободить лодку. Виной тому было то, что шлюзы были очень старой постройки. В больших и усовершенствованных шлюзах такого случая не могло произойти.

Во время путешествия по Швеции, мы всюду находили прекрасные места для причаливания. Это были или поля, или пустынные поросшие густою растительностью островки или небольшие каменные площадки. Приплывали мы к берегу обыкновенно перед закатом солнца, втаскивали лодку на песчаную отмель,так чтобы камни не могли ее испортить, и раскидывали свою маленькую палатку. Затем поспешно готовили себе на примусе еду, состоявшую обыкновенно из картофеля и др. овощей. Свой ужин мы поедали с большим аппетитом. После ужина укладывались спать. Здоровый и крепкий сон на свежем воздухе до 7—8 часов утра. Утром снова разжигали примус и готовили себе на завтрак овсяную кашу.

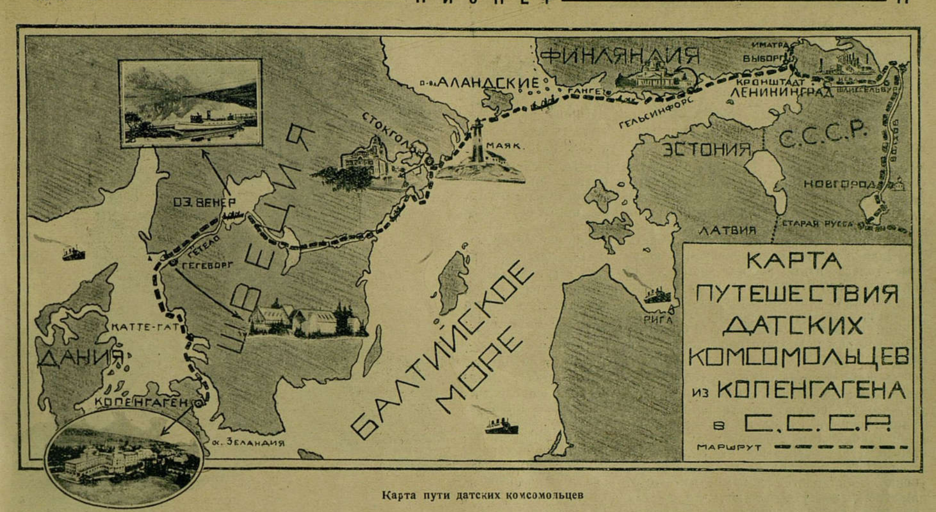
Начинался наш трудовой день. Проезжали мы очень красивыми местами: мимо полей, лесов и городов. Всюду нами очень интересовалось население, в особенности мальчишки, которые всегда подбегали к нам, когда мы в поселках причаливали к берегу.

Однажды, когда мы плыли по одному из самых больших шведских озер, с нами произошел случай, сильно нас переполошивший. Собираемся войти в небольшую бухту. Мы уже в 25—50 метрах от берега, как вдруг раздался треск и острый камень неожиданно проткнул дно лодки. Мы прыгнули в воду, чтобы поскорее стащить лодку на берег. Лодка не успела еще наполниться водой, и нам удалось во-время вытащить все свои вещи; на берегу лодочник починил нам нашу лодку и мы поехали дальше.

Пионеры Финляндии

Почти в десять дней мы пересекли на лод-

Карта пути датских комсомольцев

ке шведский материк, и достигли Балтийского моря. По морю мы скоро доехали до Стокгольма, где остановились на несколько дней, чтобы подремонтировать лодку и повидаться с тамошними членами нашего союза.

Выехали мы из Стокгольма в сильнейший дождь и скоро приплыли к ближайшему от моря острову, где находится маяк. Отсюда на восток видно только одно открытое море. Маяк дал нам сигнал о том, что в море начинается буря. Мы должны были выждать время перед отплытием в путь к Аландским островам, входящим уже в состав Финляндии. Весь вечер простояли мы у подножия маяка, глядя на открытое море.

Небо было ясное, голубое, когда мы утром проснулись. Волнение в море было еще сильным. Сможем ли мы сегодня пуститься в путь из Швеции в Финляндию? Перед полуднем сигнал с маяка возвестил нам хорошую погоду, волнение скоро совершенно улеглось, и мы могли спокойно выйти в море. Перед нами расстилалось огромное светло-синее пространство. До самого горизонта была видна одна только вода. Компас был единственным нашим руководителем и мы поставили курс на Восток—Северо-Восток.

После двух часов усиленной гребли мы увидели на горизонте маленькую черную точку и вскоре различили маяк. Этот маяк был целью нашего пути через море. Он находится недалеко от берегов Финляндии и называется Лагскор,—по имени островка, на котором находится. Финский маяк был в 30 километрах от шведского маяка и в 12 километрах от Аландских островов. Проплыли мы эти 30 километров в $3^1/_2$ часа, а затем через 2 часа уже были на Аландских островах. Четыре дня плыли мы мимо этих островов. Они очень мало плодородны и почти сплошь каменисты; только изредка видны небольшие группы деревьев и немного травы. Жилищ заметно очень немного, и только приходится удивляться, как в таких местах живут люди. Путь мимо островов очень опасен и нужно было уметь выбирать форватер; нам пришлось все время пользоваться компасом, а также расставленными изредка баканами, состоявшими из палок с корзиночками на концах. Часто приходилось плыть на расстоянии целого километра, чтобы найти бакан.

Наконец, доплыли до Ганге. Уже на финляндском материке. От Ганге мы шли вдоль берега по «шхерам» и через несколько дней были в Гельсингфорсе, где остались на два дня, чтобы повидаться с товарищами.

От северных берегов Финского залива взяли поперек, прямо к Кронштадту. К нам навстречу вышел сторожевой катер и на незнакомом языке раздался возглас: «Кто вы такие, товарищи»?

Мы вопрос, конечно, поняли, хотя порусски и не знаем, но наш ответ трудно было об'яснить. Сговорившись, мы, в сопровождении сторожевого катера, вошли в Кронштадскую гавань. Там нас радостно встретили комсомольцы и красноармейцы. На другой день они отвезли нас в Ленинград. Всего до Ленинграда мы сделали 1.600 километров в 32 дня гребли.

Для коммуниста из-за границы пробыть 10 дней в Ленинграде слишком мало, чтобы успеть все осмотреть. После десяти дней пребывания, пришлось расстаться с новыми нашими товарищами, чтобы продолжать свое путешествие. Поплыли вверх по Неве, и в первый же день добрались до большого металлургического завода «Большевик». У моста стали поджидать товарища, который говорил понемецки. В это время к нам навстречу с завода выехало 30 или 40 лодок, из которых рабочие приветствовали нас пением «Интернационала». Мы были в восторге от этой неожиданной встречи. На берегу стояла толпа рабочих, которые встретили нас речами. Мы отвечали им, как могли и благодарили за радушный прием. На другой день осматривали завод.

От Шлиссельбурга до Ладожского озера плыли мы по старому каналу до Новой Ладоги. По дороге посетили мы одно селение, где видели работу трактора.

На следующий день направились мы к Волховстрою,—большой еще незаконченной электрической станции.

К 4 сентября мы хотели попасть в Новгород на праздник комсомола. Накануне мы гребли без перерыва и вечером решили выспаться в лодке. Рано утром мы проснулись; река была вся в тумане, ничего нельзя было разглядеть и было очень холодно. Скоро выглянуло солнце из-за туч и день выдался совершенно ясный. До 9 часов вечера гребли мы без перерыва. Это было очень утомительно, потому что мы шли против течения. Наконец, увидели мы огни на мосту близ Новгорода. Цель была достигнута и на другой день удалось принять участие в празднике молодежи. До Новгорода прошли мы на веслах 2.000 километров.

Много есть, чем полюбоваться в СССР.

Л. Штрандт

Рис. худ. Д. Горлова

ПРИВИДЕНИЕ В СТАРОМ САДУ

Недалеко от деревни, на горе, находится старый сад. Большие, толстые деревья красивыми узорами вырисовываются на фоне неба. Когда-то здесь была помещичья усадьба, но во время войны постройки сгорели и теперь остались почерневшие каменные стены. Днем, когда из сада доносятся всевозможные веселые голоса птиц, ребята часто ходят туда собирать ягоды или грибы. Вечером же, когда все успокоится, то в саду кто-то свистит, гогочет и вообще издает такие звуки, от которых становится страшно. Уже вечером редко кто решается ходить в старый сад.

Старики говорят, что когда-то помещик там засек до смерти своего конюха за то, что тот ослушался его приказания. Чтобы скрыть следы преступления, он зарыл конюха под большим дубом, который стоит недалеко от оставшихся стен. И вот, как только наступит вечер, конюх и старается напомнить о себе. Многие даже утверждают, что видели его тень, как она совершенно неслышно носилась от дерева к дереву. В особенности весной, когда стает снег, уж очень сильно раздаются эти звуки.

Что бы это могло быть?

Приведений не существует, мертвые также не встают и не издают никаких звуков,—значит здесь что-то другое. И мы решили расследовать это дело.

Однажды мы днем отправились в сад. Осмотрели его как следует, но ничего, кроме старых деревьев, кустарника, развалин дома, да перелетающих с ветки на вет у птиц, мы не нашли. Правда, большая часть деревьев имела дупла. Мы заглядывали в них. Из некоторых испуганно вылетала птичка, а некоторые были пусты.

Приблизительно часа за полтора—два до захода солнца мы опять отправились в старый сад. Еще раз его внимательно осмотрели. Выбрали себе в кустах хорошо защищенное место и засели ждать. На разные голоса распевали птицы.

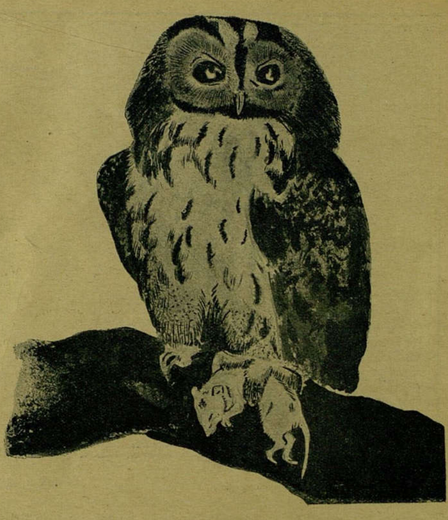
Иногда какая-нибудь птичка садилась на ветку недалеко от нас, и мы наблюдали за ней. Постепенно пение начало умолкать.

Как только все успокоилось и наступила тишина, то через некоторое время раздался сперва тихий, а потом немного громче, свист.

Мы насторожились. Затем недалеко от нас кто-то загоготал. Стало жутко, и мурашки забегали по коже. С каждой минутой звуки становились все оживленнее и громче. Они раздавались то здесь, то там.

Взошла луна. В саду стало светлее, и мы теперь без особого напряжения зрения могли видеть очертания сучьев. Звуки не унимались. Наш первый страх прошел. Мы решили вылезти из своей засады и осторожно приблизиться к звукам. Вдруг неслышно пронеслась тень и как бы пропала за большим дубом. Осторожно мы стали подкрадываться к дубу. Сперва мы ничего не могли разглядеть, но потом заметили на толстом суке странную фигуру.

Кто бы это мог быть? По туловищу похоже на птицу, да голова какая-то большая и круглая. Мы стали заходить с другой стороны. Теперь нам лучше было видно. Вглядевшись как следует, мы узнали в ней серую сову. Она сидела на суке и вертела головой из стороны в сторону. Иногда она то вытягивала то втягивала шею. Получалось впечатление, что она кланяется. Вот раздался ее раскатистый хохот, похожий на смех,—ху-ху-ху-хуу. Временами она издавала какой-то визгливый звук.

Сова с добычей

После того, как мы удостоверились, что эти звуки издает серая сова, мы уже больше не боялись, а нам стало как-то стыдно, что мы раньше не могли догадаться и поддались рассказам стариков.

Че ез некоторое время, неслышно махая крыльями, пролетела другая сова. Она также принялась гоготать и издавать визгливые звуки. С каждым новым звуком голоса обеих сов становились все громче и громче. Наблюдая за ними, казалось, что одна хочет перекричать другую. Далеко разносится по старому саду их своеобразное пение, наводящее жуть на незнающих людей.

Но недолго продолжалось оно. Вдруг одна сова срывается с места и налетает на другую. Та старается отбить налет. Между ними завязывается борьба. Благодаря мягким перьям, удары крыльями не слышны. Временами слышно какое-то странное шипение. Иногда во время налета руг на друга видно, как летят перья. Борьба продолжается довольно долго, но вот одна сдается и быстро летит в чащу. Победительница следует за ней.

Стало поздно, и мы решили отправиться домой. По дороге мы много говорили о сове и решили свои наблюдения продолжать. Так же мы обсуждали вопрос, как завтра расскажем в деревне, что это не конюх напоминает о себе, а кричат совы.

Погода стояла ясная. Днем солнце пригревало землю, а ночью светила луна. Мы решили воспользоваться светлыми ночами и как только наступил вечер, отправились в старый сад. Нам не долго пришлось ждать и искать. Недалеко от оставшихся стен на дереве мы увидели сову, сидящую у дупла. На этот раз мы ее еще лучше могли разглядеть, так как луна больше освещала это место. Она нам казалась довольно круглой и пушистой. Во время полета она иногда крыльями не работала, а неслась бесшумно, как тень.

Больше всего нас поразил ее слух. Она способна слышать на далеком расстоянии писк мышей.

Однажды нам пришлось наблюдать, как сова добывала себе корм. Мы ее увидели сидящей на дереве у опушки сада. Все время она сидела спокойно, только ворочала головой. Кругом все было тихо. Вдруг она сорвалась, как стрела, полетела в поле и вернулась обратно, держа в когтях мышь. Осмотревшись по сторонам, она мышь моментально с'ела. После этого она долгое время сидела и прислушивалась. Повидимому, поймав одну мышь она распугала остальных. Наконец, она опять сорвалась с места, но на сей раз вернулась без добычи. Напуганные мыши оказались осторожнее.

Довольно долго она сидела на этом суке, затем бесшумно переместилась на нижний. На этот раз она устремила свой взгляд в одну точку. Осторожно мы тоже принялись смотреть в ту сторону, куда смотрела сова. Недалеко от нас крот взрывал землю. Повидимому сова услыхала звук взрываемой земли или падение скатывающихся со вскопанного бугра мелких кусочков земли. Если бы она не слыхала этих звуков, то не могла бы так насторожиться в сторону крота. По всем данным, ее слух уловил какой-нибудь характерный звук, которого мы не могли услыхать.

Теперь она сидела и, кажется, ждала появления крота на поверхности земли. Но вот показалась черноватая шуба крота. Вмиг сова была на месте и вцепилась в свою добычу. Одной лапой она выта-

щила крота из земли, а другой схватила его за грудь и клювом принялась наносить удары в нос. Мышь достается легче, — над кротом приходится сперва повозиться, пока он окажется мертвым. Затем — мышь сова проглатывает целиком, а крота приходится есть кусками.

Когда крот был мертв, сова принялась клювом разрывать кожу на животе. Когтями одной лапы она придерживала свою добычу, а клювом старалась оторвать кусок. Одна часть крота за другой исчезала в клюве совы. Через некоторое время от крота ничего не осталось. Даже его черная бархатная шубка была с'едена совой.

В другой раз нам пришлось наблюдать, как сова ловила жуков и проглатывала их.

Правда, она подкрадывалась и к голубям и как-то раз задрала у нас молодого голубя.

Но когда мы обсудили этот вопрос, то решили, что этот поступок ей можно простить, так как она уничтожает много вредных грызунов и жуков.

Дальше мы подробно ознакомились с ее гнездом.

Однажды днем мы отправились в старый сад. Нам много пришлось полазать по деревьям, пока мы, наконец, нашли одно гнездо. Большею частью мы гнезда находили в дуплах липы и дуба. Летное отверстие было довольно широким. Иногда дупло было немного выложено волосами и шерстью, а иногда бывало, что яйца лежали прямо на дне дупла.

В гнездах мы находили от трех до пяти яиц белого цвета, с мелкозернистой скорлупой.

Сидела сова на яйцах три недели, при чем нам не приходилось наблюдать, чтобы самец принимал в этом участие. Когда вывелись птенцы, то кормление велось обоюдное, то-есть самцом и самкой.

Прошло несколько недель, пока птенцы решились оставить гнездо. Сперва на гнездо взобрался самый большой, и через несколько дней он уже мог сидеть на ближайшем суку. Постепенно за ним тот же путь совершают все остальные. Сидя на этом суку, они особым свистом просят у родителей есть.

Здесь нам пришлось сделать интересное наблюдение. Когда самый большой перебрался на сук, то родители принялись его кормить особенно старательно. Как ни просили остальные птенцы, они получали корм только изредка, так что им пришлось поголодать. Такая мера заставила всех птенцов перекочевать на сук и таким образом они не засиживаются в гнезде. На суке они сидят тесно прижавшись друг к другу. К осени из этой молодежи получились настоящие серые совы или, как их еще называют, неясыть.

Таким образом нам удалось разбить суеверие стариков. Теперь уж никто не боится вечером ходить в старый сад, так как все знают, что это кричит серая сова.

Между ними завязывается борьба

ЧТО ЧИТАТЬ

Книги для работы с октябрятами

Число октябрят у нас быстро растет, и отрядам приходится уделять все больше и больше внимания работе с ними. Пионерам, выделенным для работы с октябрятами, необходимо знать книги, которые помогут им в этой работе. Впрочем, почти все эти книги с интересом прочтут и сами пионеры.

Житков, Б.—ПРО СЛОНА. Рис. Н. Тырса. Госиздат. 1926 г. 12 стр., ц. 50 к.

Автор рассказывает, как он в Индии наблюдал за ручным слоном. Как он работал, нянчился с детьми своего хозяина и со своим собственным слоненком. А было ему (слону) 150 лет.

Картинки в красках, буквы крупные, четкие. Язык очень простой.

Книжку октябрята очень любят, читают сами. Хорошо прочесть им вслух.

Колябская — «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН». Повесть для детей. 80 стр., ц. 25 коп.

Отец Мишки вернулся с фронта домой и привел с собой ручного медвежонка. Когда к деревне подошли белые, отец ушел в Красную армию, Мишке с сестрой и медвежонком пришлось бежать. Дело было зимой, ребята замерзли бы, если не след медвежонка, который привел к ним красноармейцев. Мишка сам вступил в Красную армию. Вскоре они нашли отца, при чем дело опять не обошлось без медвежонка.

Это, пожалуй, самый простой рассказ о гражданской войне.

Его очень удобно и легко рассказывать, а октябрята готовы слушать без конца. Старшие октябрята и сами прочтут рассказ.

Каманин, Ф.—ВАНЬКА ОГНЕВ И ЕГО СОБАКА-ПАРТИЗАН. Повесть, 2-е издание, «Молодая Гвардия», 1926 г. Стр. 68, цена 45 коп.

Ваньке—12 лет. Он поступает разведчиком в Красную армию. Партизан все время с ним. Они совершают немало подвигов. Ванька получает орден Красного Знамени, а Партизан—новый ошейник. Ваньку ранят, Партизану пуля отрывает хвост. Они едут на бронепоезде, летят на аэроплане.

Полушутливая книжка, очень живо и интересно написанная.

Забавные рисунки. Буквы довольно крупные и четкие. У ребят 10—12 лет—это одна из любимых книжек. Они читают ее без конца.

Октябрятам лучше читать ее вслух, по частям, или рассказывать.

Смирнов, Н., Чичаговы, Галина и Ольга — ПОЧЕМУ НЕ БЫЛО БАРАНОК. Госиздат. 1926 г., 16 стр., цена 30 коп.

Этот рассказ напоминает сказку. Пошел мальчик в булочную купить баранок, а баранок нет.—Почему нет баранок?—Муки нет, мельница не работает.—Почему мельница не работает?—Крестьянин не пашет.—Почему крестьянин не пашет?—Завод стал, плугов не делает.—Почему завод стал...—Так мальчик добрался до настоящей причины: пришли враги, хотят отнять руду и нефть. Красноармейцы врагов прогнали, и все ожило: заводы заработали, крестьянин стал пахать, мельница замолола, мальчик получил баранки.

Этот, похожий на сказку, рассказ очень серьезен: он об'ясняет отчасти, почему у нас была такая разруха после гражданской войны.

Простые рисунки—черные с красным. Крупные буквы. Годится для самостоятельного чтения октябрятам и для чтения вслух на звездочке с рассматриванием картинок.

РАССКАЗЫ БЕСПРИЗОРНЫХ. Рассказы, написанные беспризорными. Под редакцией Анны Гринберг. Изд. «Молодая Гвардия». 1926 г., 55 стр., цена 30 коп.

Тов. Гринберг работала с беспризорными. Они много рассказывали ей о своей жизни, а коечто записали по ее просьбе. В этой книжке больше всего рассказов об империалистической войне (германской), о гражданской войне и о голоде.

Ее рассказы простые, подлинные. Их могут читать октябрята вслух на звездочке или про себя. Можно из них составить рассказ. Есть рисунки.

Хороши для работы с октябрятами также книжки: **Акульшин, Р. — «КОСТЯ НА САМОЛЕТЕ»** и **Румшевич—«ПИТОМЦЫ МАЙКИ».**

Игнат.

ИЗ НОЧЛЕЖКИ В ТРУДКОММУНУ

Из записок беспризорного Вани Соловьева

День гаснет. Скоро ночь. В Морозовке [1] как-будто все идет своим чередом: драки, обиды, издевательства. С беспризорного новичка сдирают пальто и сапоги. Его презирают и всячески притесняют «свои» [2], потому что он, ведь, «пес» [3] и защищаться не умеет.

Сегодня шуму больше, чем обычно. Волнуются главари «своих». В полутемной комнате ругань так и виснет в воздухе.

— Я еще не ходил воровать,—орет Седой во все горло.—Нос болит, прочистить надо. А ты, Суслик, пойдешь?—обращается он к своему соседу.

В это время вваливается Минайка, маленькая фигурка с быстрыми, плутоватыми глазами, Минайка, у которого вечно под носом слезы.

— Ну, Минайка,—встречаю я его вопросом,—пойдем в комиссию осматривать ту дачу, которую нам отвел МОНО под коммуну?

— Вот еще. Что я на кусок хлеба украсть себе не в состоянии, что ли?

— Видишь,—радуется Седой,—что я говорил. Идем, Суслик!

[1] Ночлежка, в которой ночевали беспризорные. Там МОНО при помощи дружинников-добровольцев вел с ними работу.

[2] «Свои»—воры, пользуются авторитетом у ребят.

[3] «Пес» — новичек-беспризорный, не ворующий

В углу сидит, понурив голову, девушка в темно-синем пальто. «Фигура», как зовем ее мы. Я чувствую, как тяжело ей и горько. И с новой силой наседаю на ребят.

— Вы, ведь, записаны в коммуну. Надо же кому-нибудь ехать осматривать помещение. Не захотим—жить там не будем. Получим, что выдадут и уйдем.

Долго колеблются. Наконец, уломал.

Надо теперь рассказать, как это все случилось.

Месяц назад вот эта самая «Фигура» пришла и сказала:

— Ребятки, это уже не новость, что скоро Морозка закроется и вас рассуют кого куда. А я вот что предложу вам. Вчера в МОНО было собрание и там я внесла предложение, чтобы вы стали жить «по натуре», сами бы стали строить вашу жизнь. МОНО поможет нам.

Чтобы не огорчить нашу хорошую «Фигуру», к которой мы все чувствуем симпатию, потому что она не относится к нам свысока, как другие, пять человек из нас согласились итти в коммуну.

И вот теперь я никак их не уговорю ехать на осмотр дачи.

— Ты еще им веришь,—кивает головой Суслик.—Они из МОНО все одинаковы. Не успеешь оглянуться—и сиди в Почтовом 2 [1] взаперти. Довольно, не хочу.

Пускаю в ход всевозможные доказательства. Помогает и «Фигура». Ура! Добились своего — едем. «Фигура» больше не будет плакать. За воротами говорю я ей:

— Что вам надо от нас? Все равно жить там не будем.

— А ты не зарекайся,—улыбается она.—Посмотрим. Ты не будешь, другой не будет, остальные будут.

[1] Почтовая 2 — приемник для правонарушителей

В трамвае с удивлением пялят глаза на трех оборванцев, которые все хихикают, отвернув грязные, замазанные лица.

Почти темно, когда мы добираемся, наконец, до места своего назначения.

Чуть заметны эти маленькие комнатки, в которых так уютно, особенно после Морозовки.

Осмотрели. Двигаемся в обратный путь.

Снова день. Много разговоров среди ребят, много планов. Ведь, завтра мы едем в «Натуру»—нашу коммуну.

«Фигура» сияет радостью, которая передается и нам. Мы—пять человек—дежурим в МОНО. Сколько новых хлопот, забот. Но, наконец, все улажено — мы в коммуне.

Стоят пять коек—беленькие, под новыми простынями. Даже не верится, что мы будем спать там.

Еще ночь, а мы уже проснулись, и проснулись, словно по команде. Открываю глаза в полной уверенности, что уже утро. Нет, еще почему-то ночь. Закуриваю.

— Оставь покурить,—слышится голос с кровати Шуры.

— И мне оставь... И мне...—подхватывают другие.

Оказывается, никто не спит. Все не привыкли к хорошей кровати, проснулись рано.

— Скоро-ли будет светать?—спрашивает один.

— Наверное скоро, — отвечают другие.

Какие-то все ласковые друг с другом, не ругаются.

Это первая ночь, проведенная под крышей «Натуры».

Вся первая неделя прошла как во сне. Работа, к которой мы еще не привыкли, набор новых ребят, сутолока... Добравшись до коек, мы засыпали, как убитые.

Через две недели нас было уже двадцать восемь человек. Начала ясней вырисовываться форма нашего правления.

Устроили общее собрание, на котором выбрали меня председателем коммуны,

СЛЕВА—беспризорные в котле. СПРАВА—ночью на бульваре

Жаркова — завхозом, Цыгана — рабочим контролем. Тут началось трудное для коммуны время.

Утро. Кое-как разбужу дежурных, и начинаем отправлять на работу — кого дрова пилить, кого на кухню.

— Иди дрова пилить, — посылаю я очередного.

— Ты что, — лягавым стал?[1] — кричит он в ответ на мои увещевания.

Я моментально раз'яряюсь, и начинается форменное избиение, крик, ругатня. Со всех ног бежит «Фигура».

— В чем дело? — Это ты опять, Соловей, — накидывается она на меня. — За старое принимаешься?

И я со сконфуженным видом удаляюсь с поля битвы.

Работать с каждым днем труднее.

Цыган забрал в руки ребят, посылает их на воровство, не подчиняется порядкам коммуны, не работает сам и подзуживает к тому же других.

«Фигура» сидя, на койке, пригорюнилась — она чувствует, что с ребятами что-то неладно. Под ее влиянием я начал борьбу с Цыганом. И сегодня у меня решительный день.

С утра почти половина ребят поднялась против меня — не желают работать. Кричали:

— А ты чего больше всех работаешь. Что, тебе больше всех нужно?

Я сказал:

— Хочу быть, как американцы, — чтобы ни одна минута даром не пропадала.

Я настойчиво веду атаку против ребят, ищу товарищей в борьбе против Цыгана.

И вот, в сторожке нас шесть человек, задумавших свергнуть самодержавие Цыгана.

Наверху орут, а здесь, в сторожке идет военный совет, — придумывают разные способы борьбы.

— Все это не годится, — говорю я. — Надо действовать решительно.

Со мной соглашаются. Распределяем работу между всеми, выдумываем лозунги.

Какая чистота в коммуне на следующий день. Моя группа американцев так и носится, моет, скребет и чистит. Приверженцы Цыгана поднимают нас на смех:

— Сколько получите за поденщину? Или сдельно работаете?

Но наше веселье и суетливость заражают многих ребят и, не зная нашей тайны, они начинают нам помогать.

Близится обед. Настроение американцев падает, — это боязнь кулаков Цыгана.

Но я ношусь, как угорелый, поддерживая и возбуждая их.

Вот и обед, решительная наша минута.

Дрожащей рукой разливает Митька суп, волнуется. Наливает всем, кроме Цыгана. Он ругается, требует суп. Тогда я громко говорю:

— У нас здесь трудовая коммуна. Кто не трудится, тот пусть не ест.

Ребята зашумели. Они поняли наш заговор. Все обрадовались возможности освободиться из под власти Цыгана.

Было много крика, были и разбитые тарелки, но победа за нами. Цыган, раз'яренный, но бессильный против всех, ушел из коммуны. Какая радость на лицах у всех. Дышится легко. Теперь наша коммуна твердо стоит на новом пути.

---

[1] Лягавый — так называют милиционера. Здесь это в смысле — предателя, чужака.

КАК РАБОТАТЬ С КНИГОЙ

Многие ребята думают, что есть два рода книг: книги, по которым учатся, и книги, которые читают для удовольствия. Одни скучные, другие интересные.

Но есть еще книги, которые необходимы не только для ученья, но и для всякой другой работы.

Без книг не может работать ни учитель, ни пионер, ни инженер.

ЧТЕНИЕ НЕ ДОЛЖНО ВРЕДИТЬ КНИГЕ

Не бери книгу грязными пальцами. Не слюни пальцы, когда перелистываешь (перелистывай с верхнего угла — удобнее и легче). Не перегибай книжку в корешке. Не делай в книге никаких пометок.

Не загибай углов, а клади плоские закладки.

Не свертывай книги в трубку, не клади в карман; не засовывай за пояс — помнется.

Не выноси книги на улицу, не завернув ее.

Не оставляй на солнце — пожелтеет, покоробится переплет.

Для всех этих людей книга все равно, что топор для плотника или молот для кузнеца. Для них это инструмент, без которого они не могут работать.

Но каждый инструмент нужно выбрать. Это, во-первых.

Его надо беречь. Надо обращаться с ним осторожно, иначе можно повредить и ему и себе. Это, во-вторых.

Надо научиться им работать. Это, в-третьих.

Все эти уменья необходимо иметь пионеру, если он хочет быть хорошим комсомольцем-активистом.

В Америке в школах есть даже особые уроки, на которых учат, как работать с книгой. У нас ребята привыкают к этой работе в библиотеках.

Не калечь книгу!

Мы дадим в «Пионере» несколько советов. Сперва о том, как обращаться с книгой. Затем о том, как с ней работать. Наконец, о том, как ее выбирать. Это самое трудное.

ЧТЕНИЕ НЕ ДОЛЖНО ВРЕДИТЬ ЗДОРОВЬЮ

Не читай до усталости, до переутомления.

Не читай перед сном слишком интересных приключений, — долго не заснешь.

Не читай после еды — это вредно для здоровья, и внимание хуже.

Не читай согнувшись над книгой — вредно для груди.

Не читай, когда болят глаза. Старайся, чтобы свет падал слева или сверху, чтобы не был слишком ярок; не читай в сумерках, полутемной комнате — станешь близоруким.

Все эти правила ясны и понятны каждому пионеру.

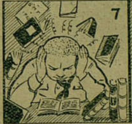
Эти правила можно переписать, перерисовать картинками, сделать плакаты и вывесить в читальне.

ЧИТАЙ ТОЛЬКО НУЖНЫЕ КНИГИ

Помни — книг очень много, всех прочесть не успеешь, — ЧИТАЙ ТОЛЬКО НУЖНЫЕ КНИГИ. Не читай слишком долго — устанешь и меньше запомнишь, хуже поймешь.

Не глотай книг — чем больше стараешься прочесть в час, тем меньше запомнишь, тем хуже поймешь.

ЧИТАЙ только нужные книги

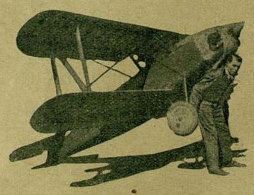

Основное правило чтения — читать внимательно и медленно: не стремись прочесть как можно больше книг. Лучше прочти во второй и третий раз хорошую, но трудную книгу. Лучше подумай над этой книгой. Лучше поговори о ней с товарищами.

«Лучше меньше, да лучше» — сказал Ильич.

Но этого мало — надо эти правила проработать в отряде. Как их проработать — об этом в следующий раз. Мы расскажем как работать с книгой, с газетой и журналом, как работать звену при библиотеке, как пользоваться справочниками и пр.

СО ВСЕГО СВЕТА

Авиэтка

ТРУДНО будет нам на этот раз об'яснить хорошо все фотографии на этой странице.

Так уже получилось, что фотографий на странице много, а места для текста мало. Печатать очень мелко,—глазам вредно, а покрупней—текст не влезет. Фотографий же выбросить нельзя, потому что все клише набиты на одну колодку.

Однако, начнем.

Наверху, налево, человек поднял аэроплан. Вы может быть думаете, что этот человек необычайный силач?—Ничего подобного. Весь фокус состоит в том, что аэроплан очень легок. Это один из самых легких аэропланов в мире. Такие маленькие аэропланы называются авиэтками.

Направо наверху американский летчик Берд, тот самый, который прилетел первым на Северный полюс, поднимается в воздух на самом обыкновенном змее. В самом деле, если маленький змей легко поднимает маленькую тяжесть, то отчего бы большому змею не поднять человека.

Посмотрите, ребята, на странный аппарат, похожий на аэроплан, но с большим пропеллером наверху.

Вы должно быть знаете, что аэроплан поднимается в воздух с разбега, и для разбега ему нужно большое пространство—аэродром. Много изобретателей ломало себе голову, чтоб изобрести такой летательный аппарат, который мог бы взлететь с любого места, без разбега. Все попытки кончались неудачей. Наконец такой аппарат изобрели. Называется он аэрожир, или геликоптер. Суть его состоит в том, что посредством пропеллера, помещенного наверху, а не только спереди, как у аэроплана, аэрожир ввинчивается в воздух с места вверх.

Найдите на карте Гавайские острова. Это довольно далеко отсюда. На этих островах много действующих вулканов. В круге изображен самый маленький вулкан на острове Килоуеа. Он извергает кипящую лаву в виде тонких нитей. Нити быстро затвердевают и превращаются в особого рода стекловидную паутину.

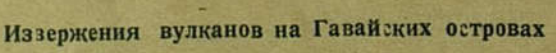
Выше изверженная из другого вулкана лава медленно течет по земле, сжигая все на своем пути.

Попытки изобрести говорящий кинематограф начались давно. Вы может быть даже видели кино-картины, в которых в тех местах, где актеры пели (т.-е. раскрывали и закрывали рот), раздавался хрипящий голос граммофона. Голос граммофона и движения рта поющих редко совпадали. Получалась неувязка. Внизу говорящий и поющий аппарат, соединенный с кино-аппаратом в одном из нью-иоркских кинотеатров. Здесь неувязки быть не может.

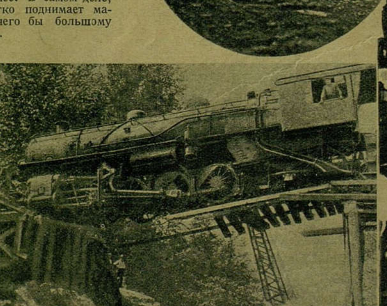
В заключение—внизу редкий случай при крушении поезда. После того, как разрушился непрочный железнодорожный мост, локомотив удачно уцелел и стал сам мостом между двумя упорами.

НАВЕРХУ—Берд поднимается на змее. НИЖЕ—Аэрожир

Извержения вулканов на Гавайских островах

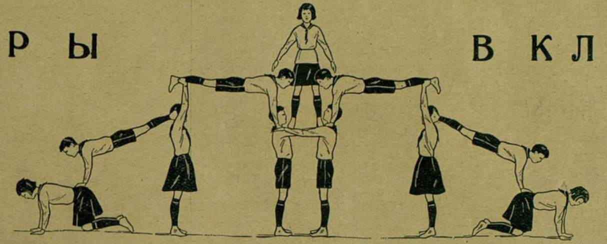
Крушение поезда

Говорящий кино-аппарат

А. Кронэ

ИГРЫ В КЛУБЕ

Становится холодно. Ребята переносят свои дела со свободных открытых площадок в тесные закрытые клубы.

Конечно, самое главное условие работы в клубе — это гигиеническая обстановка: нельзя играть в пыли и спертом воздухе. Вода и открытая фортка — лучшие лекарства этим болезням.

Недостаток места можно сгладить подбором игр. Следует обратить особое внимание на игры, не требующие разбега и громоздких передвижений.

Несколько примерных таких игр мы даем в сегодняшнем очерке.

1. Круговая эстафета

В этой игре главное—быстрота и находчивость. Количество игроков неограничено: чем больше, тем интересней.

Все участники делятся на две равные партии, каждая из которых выстраивается в затылок параллельно другой.

У первого номера каждой шеренги в руках эстафета. По команде «раз!»— все игроки прекращают движение и разговоры;—«два!»—поднимают руки вверх;—«три!»—начинают передачу эстафеты (не оборачиваясь назад, через голову) второму, тот—третьему и т. д. до конца линии. Как только эстафета попадет к последнему игроку, он кричит—«есть!» По этому сигналу все делают поворот кругом с отставлением правой ноги в сторону. Эстафета без остановок отправляется в обратный путь, но проходит уже между расставленными ногами участников. Как только она попадает на свое старое место, т.-е. к первому номеру, он дает вторичный сигнал, и все принимают первоначальное положение, т.-е. поворачиваются кругом.

Круговая эстафета

Передача эстафеты обратно

Партия, первая закончившая круговую передачу и передавшая эстафету руководителю игры, считается победившей.

Перескакивать через одного эстафета не имеет права, она должна побывать у каждого. Поворачиваться во время передачи нельзя. Упавшую эстафету поднимает выронивший ее.

После усвоения игры и некоторой практики невыполнение правил становится равносильным проигрышу.

2. Кто он?

Эта игра хороша для передышки после физических упражнений: она дает работу сообразительности. Особенно интересна она при небольшом количестве участников (8—16 человек).

Из среды играющих выбираются двое ребят, которых высылают временно из комнаты. После их ухода все участвующие придумывают ушедшим роли, обычно совершенно противоположные по своему характеру. Например, первого игрока назначают Спартаком, а второго—Чемберленом или Максом Линдером. Главное, чтобы оба имени были известны всем игрокам и сильно разнились между собой. После того, как роли будут придуманы, каждому из двух высланных ребят сообщается имя его противника, а в отношении своего имени и тот и другой остаются в неведении. Оба садятся на свои прежние места и начинают вести разговор, при чем каждый старается косвенными вопросами выяснить свое имя. Участники игры постепенно приходят друг другу на помощь. От сообразительности и изобретательности зависит успешное окончание игры. В разговор особенно интересно ввести политические личности и события. Первый, угадавший свое имя, является победителем. Пары меняются до тех пор, пока все участники не испробуют своих сил в игре.

3. Хвост

Комическая игра, в которой большое значение имеют увертливость и быстрота. Все ребята, за исключением двух, находящихся в разных концах комнаты, выстраиваются гуськом, изображая лошадь, потерявшую хвост.

Один из стоящих в стороне изображает эту потерю и стремится стать на полагающееся ему место, т.-е. в конец шеренги. Второй игрок мешает ему достигнуть цели, стараясь запятнать его.

Круговая эстафета

Передача эстафеты

Техника игры состоит в следующем:—«раз»—все строятся, «два!»—наклоняются, захватывая правой рукой правую ногу впереди стоящего—у щиколотки; «три!»—лошадь медленно передвигается по комнате, оглядываясь назад, а «хвост» пробирается на свое место. Ловля начинается. Как только «хвост», избежав опасности, поместится в конце цепи и захватит щиколотку последнего игрока, впереди идущий отрывается от шеренги и становится «хвостом».

Преследование направляется на него, и так до тех пор, пока убегающий не окажется пойманным. Тогда преследователь меняется с ним ролями.

Лошади дается имя «Антанта», а хвосту—«Польша».

4. Засмейся—не хочу

Все, кроме начинающего игру, и его помощников, располагаются с двух сторон комнаты на скамейках или стульях. В задачу зачинщиков входит рассмешить всех сидящих, которые стараются сохранить серьезность. Смешить можно как действиями, жестами, мимикой, так и словами. Трогать никого не разрешается. От изобретательности ребят зависит выдумка какой-либо интересной сатиры на местную или отвлеченную тему. Можно исполнить частушки или рассказать что-нибудь веселое как собственного сочинения, так и где-нибудь прочитанное или услышанное.

Рассмеявшийся меняется местом с «артистом» и продолжает его дело. В эту игру можно ввести «фанты».

КАК ДЕЛАТЬ ПИРАМИДЫ

Любую пирамиду, даже самую легкую и простую, надо до выступления хорошенько проработать и разучить. Криво, косо, беспорядочно сработать выступление не трудно. Но это, во-первых, не приносит никакой пользы организму, во-вторых, не дает удовлетворения ни участнику, ни зрителю.

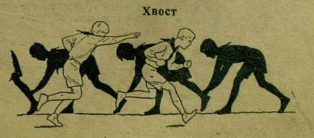
Пирамиды вообще служат хорошим экзаменом и проверкой коллективных физкультурных достижений и, кроме того, в них хорошо вводить содержание как в самую постройку, так и при помощи надписей, плакатов, коллективных выкриков, лозунгов и т. д.

Строиться и рушиться пирамида должна по счету: «раз, два, три». Все действия, необходимые для постройки и разрушения пирамиды, разбиваются в данном случае на три части, которые по мере произнесения команды выполняются.

Если построение особенно сложно, допускается большее число команд. По счету—«раз!» все выстраиваются в порядке, необходимом для данной пирамиды, стараясь придерживаться наибольшей точности в промежутках и в правильном расположении относительно товарищей по постройке.

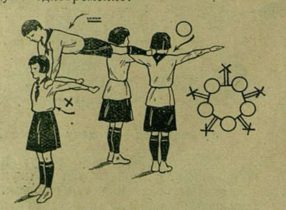
По счету «два!»—устанавливаются упоры, закрепляются стойки и проделываются все действия, не требующие особого

Хвост

напряжения, и которые нельзя проделать в один прием с окончательным завершением пирамиды.

По счету «три»—постройка пирамиды заканчивается. Разрушить пирамиду надо так же организованно, как и построить, при чем в обоих случаях ребята, исполняющие одинаковую фигуру, всегда оруд уют одновременно.

Пирамида — звезда

При подготовке надо замечать и устранять самые малейшие недостатки и неточности. После практики это окажется делом очень легким.

Музыка облегчает работу и при наличии у ребят слуха может заменить команду и сгладить шероховатости.

Выход и уход хорошо проделать фигурный, пользуясь не только ногами, но и ритмичными движениями рук.

Следует помнить, что нагрузку надо распределить соразмерно силам и возможностям. В общем, надо придерживаться правила, чтобы на каждого из участников пирамиды приходилось нагрузки не более $^1/_2$ человека.

Пока мы познакомимся с несколькими несложными пирамидами, в которых могут участвовать и мальчики и девочки.

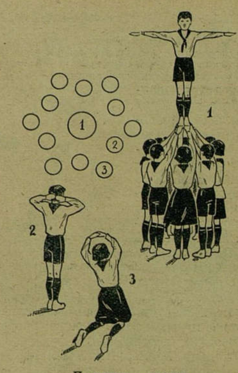
ПИРАМИДЫ (об'яснение рисунков)

1. Цветок. Ребята в количестве 8—12 человек, прижавшихся плечами друг к другу, образуют круг. Стоят лицом в середину. Руки вытянуты вверх и держат за ступню одного из пионеров. Последний стоит у них на ладонях и держит «руки в стороны» или «на бедрах».

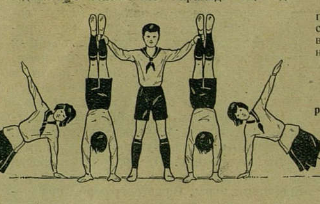
Вокруг этой фигуры расположены шесть пионеров на одинаковом расстоянии друг от друга. Они образуют лепестки. Вокруг лепестков такое же количество листьев. Они уже стоят на коленях напротив промежутков, образуемых лепестками. Концы ладоней стоящих лепестков лежат на затылках. Руки листьев образуют над головами круг. И те и другие отклонены назад. Головы откинуты.

2. Звезда. Пять ребят образуют пятиугольник (кружки—головы (вид сверху), палочки—руки, лежащие на плечах соседей по фигуре). Лица направлены во внутреннюю сторону.

Напротив каждой черты пятиугольника спиной к нему стоит пионер. Это конец угла. Его соединяет с основанием пирамиды еще один парень, ноги которого лежат на руках одной из сторон пятиугольника, а вытянутые руки уперты в плечи «конца угла», из которого руки отведены назад параллельно земле (образуя угол).

Пирамида — цветок

РЕБЯТА!

Пишите в редакцию о своей физкультурной работе. Об ее недостатках и достижениях. Задавайте вопросы по постановке физкультуры в отрядах и школах. Высказывайте свои соображения и делитесь опытом с читателями журнала «Пионер».

Лебедев-Симонов

Как сделать щетку

Пустяковая вещь — половая щетка, а вещь чуть ли не самая нужная. Что было бы у нас в комнате, если бы не было этой самой половой щетки. Грязью и мусором было бы засыпано все помещение. И вот тут-то она и приходит на помощь. Обойтись без нее совершенно невозможно.

Но и сделать ее самому чрезвычайно легко, и мы укажем здесь два простейших способа.

1-й способ. Из инструментов требуется лишь один маленький буравчик (рис. 1), который и стоит всего 25—30 коп. Из принадлежностей — 1) дощечка любого размера и толщины, 2) тоненькая проволока или суровая нитка и 3) мочала, ее можно взять из любого кулька, или купить. Мочала должна быть не мятая, прямая, жестковатая и длинная, не короче 30—35 сантиметров. Если у вас есть все, что здесь требуется, начинайте работать в том порядке, в каком здесь описано.

1. Обравняйте дощечку, она должна быть приблизительно 30—35 см длиною и 10—15 шириною, толщиною $1^1/_2$—2 см.

2. Буравчиком просверлите ровными рядами дырочки, последние расположите в шахматном порядке. Дырочка от дырочки, как и ряд от ряда, должны отстоять друг от друга на $1^1/_2$—$2^1/_2$ см (рис. 2).

3. Нарежьте мочалу длиною, как мы уже сказали, 30—35 см.

4. Из этих концов наберите пучков, таких, чтобы если пучок сложить пополам да слегка скрутить пальцами, то должна получиться толщина в поперечнике несколько больше отверстий в дощечке, чтобы пучок плотно входил в отверстие.

5. Приготовьте тонкую проволоку или хорошую суровую нитку, или тонкую бечевку.

Это были приготовления, теперь начните работать, внимательно проделывая все ниже приведенные указания.

1. В первую угловую дырочку на доске проденьте вашу проволоку или нитку, и сделайте петлю из нее (рис. 3).

2. В эту петлю положите пучок мочалы да так, чтобы середина этого пучка приходилась как раз против дырочки, закрывала бы ее (рис. 4).

3. Тяните вашу петлю обратно, крепко держите за оба конца. Петля должна захлестнуть пучок мочалы. Начинайте втягивать пучок в дырочку. Ваш пучок согнется посередине, середина выйдет в дырочку, и пучок будет стоять торчком. Втягивать пучок надо до тех пор, пока он не покажется с другой стороны, со стороны «затылка» щетки (рис. 5).

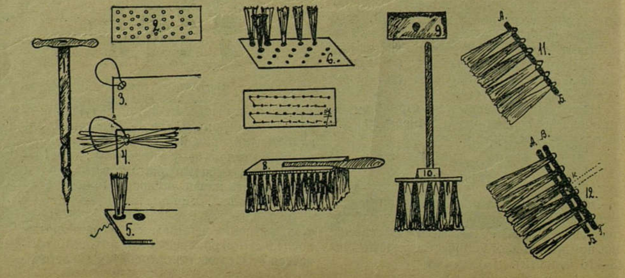
4. Переходите к соседней по ряду дырочке и проделывайте с ней то же самое. Так делайте до тех пор, пока не заполните все дырочки на дощечке, и щетка почти готова. С лицевой стороны вид щетки будет такой, как показано на рис. 6, а с оборотной стороны щетка изображена на рис. 7, где из дырочек торчат протащенные серединки мочальных пучков, — все они соединены проволокой или ниткой.

5. Теперь щетку эту надо посадить на ручку. Если щетка предназначается для смахивания с рабочего стола или с полок, то ручка прибивается сбоку (рис. 8).

Если щетка предназначается для метения полов, то берется еще доска, такая же, как для плетения, или меньше размером, в ней делается большая дыра посередине. Дыру эту можно или просверлить сверлом или аккуратно вырезать стамеской, или просто ножом (рис. 9). В эту дыру просаживается палка и вместе с доской прибиваются к вашей щетке (рис. 10).

2-й способ еще проще и не требует никаких инструментов; из принадлежностей же необходимо две небольших палки, сантиметров по 30—35 длиною, бечевка любой толщины и мочала.

Вы берете одну из палок и к ней привязываете пучки мочалы, согнутые пополам. Пучки можно взять толще, чем для первого способа. Такие пучки навяжите на всю длину палки, отступя на 1—$1^1/_2$ сантиметра от краев (рис.11). Теперь накройте другой палкой и крепко свяжите друг с другом (рис. 12). В середину (К) между палками и между пучками вставьте ручку—и щетка готова.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

(окончание со 2-й стр. обложки)

Внизу прибивают к ножкам и нижнему краю нижнего ящика карниз в 6 см шириной спереди и с боков, а наверху—сверху и с боков, шириной в 4,5 см, но так, чтобы нижний край штабика шел с внутренним краем верхнего ящика (рис. 6).

Нижний ящик оставляют для газет. Если есть средства, хорошо на нижнюю часть шкафика употребить два нераспиленные ящика, а на них поставить два или три глубиной в 17 см.

В верхних ящиках из дюймовой доски делают еще по одной полке, прибивая ее гвоздями ко дну и бокам ящика.

Так как ящики сделаны из струганных досок, то после удаления товарных знаков, остается почистить их шкуркой (стеклянной бумагой), протравить морилкой под орехи покрыть олифой.

Для помещения коллекций и работ в читальне должно быть отведено место; на боковых стенах, считая от входа, делают полочки в 12 см шириной, прибитые над рамкой для рисунков, портретов и проч., идущей вокруг всей комнаты; для помещения моделей, ваз для цветов и собранных на экскурсиях предметов: минералов, чучел животных, консервированных в жидкости рыб и проч., нельзя найти лучшего места, чем в читальне клуба, здесь, в тишине, каждый может сосредоточенно изучать собранные коллекции.

В месте прикрепления полок штабики делайте плоские и к ним прибейте предварительно угольники (кронштейны), а затем прибейте самые штабики к стене так, чтобы верхний штабик рамки и верхний край кронштейна лежали бы на одной высоте. Смажьте эти края кронштейнов клеем, наложите доску полочки и прибейте ее гвоздями к верхнему штабику рамки. К кронштейнам можно не прибивать; хорошо бы привинтить тонким шурупом, но шуруп должен быть длинный — 2,5 — 3 см Толщина доски полки — 1,5 см

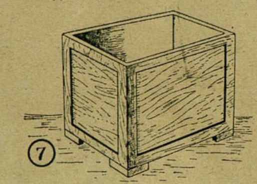
Оборудование клубной комнаты было бы не полно, если бы вы не сделали ящика для ненужной бумаги (рис. 7).

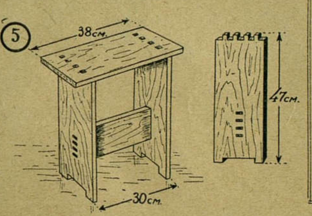
Материалом для него выберите папиросный ящик, подходящего размера. Распилите пополам его стенки и недостающие штабики набейте на фанеру, чтобы образовалось пять таких же рамок по заданному размеру, из каких ящик был сделан.

Сбейте рамки вместе тонкими гвоздями, рамками наружу, покройте густой клеевой краской, сделайте по ней роспись яркими красками тоже на клею, а когда высохнет покройте при помощи кисти масляными красками.

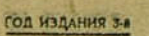
Ко дну ящика должны быть прибиты предварительно четыре ножки в 7 см высоты из квадратного бруска.

(6)

(4)

ГОД ИЗДАНИЯ 3-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 94. Задача букв

(Пинхасова Э., Дербент)

Задуманы 6 слов следующих значений: 1) Цветок—1.2.3.4; 2) Нота—6.5; 3) Рыба—8.3.9; 4) То, что бывает в каждой машине—10.11.12.17.11; 5) небесные светила—14.16.5.14.15.7; 6) Местоимение—13.11.

Найдя значение этих слов, поставить буквы их на местах соответствующих цифр таким образом, чтобы по горизонтальным рядам можно было прочитать лозунг.

1	2	3	4	5	6
7	8	8	8	6	1
3	9	3	10	11	12
13	5	1	2	3	4
5	6	11	9	14	11
1	11	15	11	2	16
3	8	13	3	17	11

№ 95. Диаграмма

(Н. Н. С.)

Из животных вот одно:
Без согласной всем нужно
Так, как воздух иль питье;
Без него смерть, не житье.

№ 96. Метаграмма

(К. Поздняева, Канавино, Ниж. губ.)

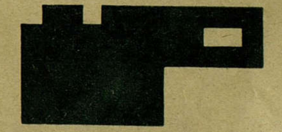
Имею два значенья я...
Коль первое возьмешь,
Меня ты в кузнице найдешь,
И на заводе так же.

С вторым значеньем для тебя
Известен больше я:
Я сигналисту служить рад,
Меня имеет полк, отряд.

№ 97. Задача

(Г. З.)

Данную фигуру предлагается прямыми линиями разрезать на 6 частей, из которых каждая имела бы форму русской буквы и из них сложить название необходимого в крестьянском хозяйстве предмета.

№ 98. Задача букв

(Н. Чикваркина, ст. Сасово, М.-К. ж. д.)

```
Н * * *
М * * а      С * * а
У * * *      О * *
К * * *      Б * * *
А * * *      В * * о
```

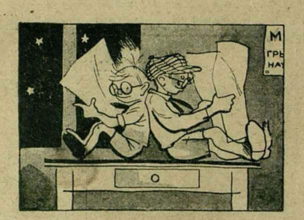
На местах звездочек предлагается поставить буквы таким образом, чтобы по горизонтальным рядам получились слова, а по вертикальным рядам из вновь проставленных букв—фамилии виднейших революционных деятелей.

Цена № 20 коп.

(Приключения пионера Мити между небом и землей)

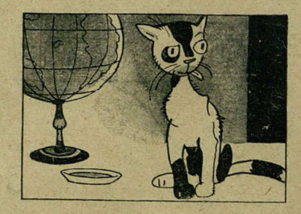
— ОТЧАЯННЫЙ ПЕРЕЛЕТ —

Стихи Ник. Богданова
Рисунки В. Сутеева

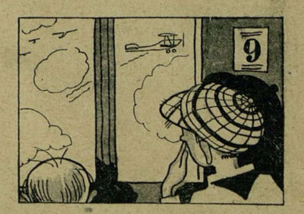
1

Вот двое с ногами сидят на столе
Надевши очки роговые.
Читают газету, хоть мало им лет,
Но, видно, куда деловые.

2

Кругом их модели и глобус и кот,
(Да, да, целый кот, не котенок),
То Митя, вожатый звена «Самолет»,
И друг его Ким — октябренок.

3

В газетах полеты, шумят самолеты,
Летят, беспрерывно летят;
И Митя и Ким по натуре пилоты,
— Лететь, так лететь не шутя!

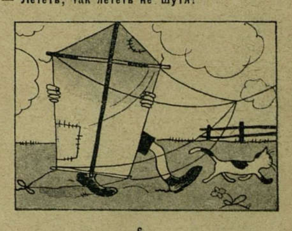
4

Нет летной машины, для шара резины,
А где ее столище взять?
—Ребятки, пустое, подумать лишь стоит, –
Что значит нам слово «нельзя»!

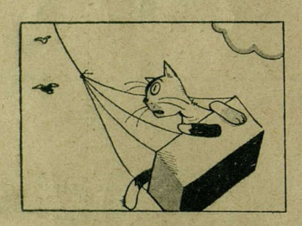
5

—Дружище, идея,—о, Ким, преклонись,—
Встал Митя героем, сияет.
—«Пионерская Правда» поднимет нас в высь
И мы очутимся в... Китае!

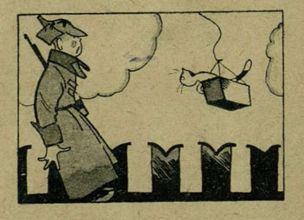
6

Давай же на деле, сейчас на модели,
Идею мою испытаем.
Берут они клею, газет не жалеют,
И странного змея пускают.

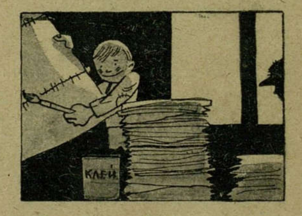
7

Эх, родная земля даже выше Кремля.
Взвился змей, как ни разу доныне.
И философ их кот и рычит, и орет
В привешенной к змею корзине!

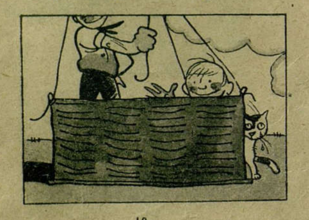
8

На Кремле часовой покачал головой.
Коменданту он в рапорте чисто
Доложил, что летал над кремлевской стеной
«Може ведьма, а може хвашиста».

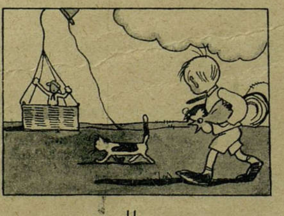
9

Затея удачна, в отряде судачат.
Решают все Мите помочь.
Опять берут клею, газет не жалеют,
И клеют весь день и всю ночь.

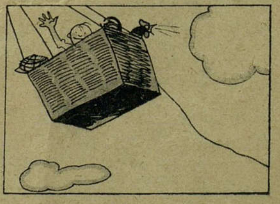
10

Вот змей «огромадный», и в форме парадной
Наш Митя и друг его Ким,
В корзину большую, пускай бельевую,
Садятся: сейчас улетим!

11

Но для связи—убей, не нашли голубей.
Кимушка востер до находок:
—Годится наш кот, он дорогу найдет,
Да взять петуха и молодок!

12

Все дело готово,—отдайте причал!
Тут Ким закричал,
Кот зарычал,
Куры запели
—Ух, полетели!

(Продолжение следует)